

Министерство образования Омской области
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
факультет теологии и мировых культур

В.Л. Данилов, А.В. Жук, Р.Б. Шульга

**КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПРАВОСЛАВИЯ И ИСЛАМА НА ТЕРРИТОРИИ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

Учебное пособие

Омск – 2007

СОЕДРЖАНИЕ

Введение

Православие

Ислам

Рекомендуемая литература

Приложение 1. Календарь сибирских святых

Приложение 2. Список омских архиереев

ВВЕДЕНИЕ

Данное пособие касается редкой темы и относится к числу одного из первых посвященных религиозной истории нашего края. Наш регион место, где две мировые религии ислам и православие, стали традиционными и мирно сосуществовали. Это пособие рассказывает об истории проникновения в эту землю православия и ислама, их утверждение, их взаимоотношение друг с другом и с государством.

Омский регион или Омское Прииртышье является частью Западной Сибири, географически расположенное в бассейне р.Оби и р.Иртыш. Практически сложно рассматривать историю Омского Прииртышья вне истории Западной Сибири, поэтому авторы показывают религиозную историю всего региона.

Сибирь долгое время была мало населенной территорией. После ее присоединения к России началось заселение и освоение края. Важно, что процесс этот носил в основном мирный характер и был полезен для всех, как аборигенов, так и русского населения. Так в течение 400 лет наблюдается увеличение не только пришлого, но и туземное население. Политика нашего государства была настолько тонкой, что в отличие от мировой практики позволило сохранить многие коренные народы и не уничтожить их как это делали американцы по отношению к индейцам, как это происходило со многими мелкими народами Европы.

Для авторов проблема освоение Сибири и превращение ее не в колонию, а в полноправную часть родной земли рассматривается как следствие духовного освоение края через укрепление и распространение в Сибири православия. Духовная жизнь русского всегда выражалась, формировалась в лоне православной Церкви, поэтому вопрос о духовном освоение Сибири это вопрос о распространение православия в Сибири

В развитии общества очень важную роль играет исповедание веры. Оно формирует мировоззренческие, духовные и нравственные ценности общества, совместно разделяемые людьми позиции и убеждения, объединяющие массу людей в единый народ, дающие народу духовный смысл и стимул жизни и бытия. Поэтому изучение религиозной истории это изучение настоящего, нахождение ответов на современные проблемы, объяснение поступков наших предков.

ПРАВОСЛАВИЕ

Начиная с XI в. Православие появляется на просторах Западной Сибири, которая географически расположена в бассейне р. Оби и р. Иртыш. Через Карское море, Обскую губу и низовья Оби проникают странствующие по водам Югорской земли дружины новгородцев. Собственно Югорская земля – это обширная территория, обнимающая Нижнюю Печору, Северный Урал и Нижнюю Обь. В середине XIII в. Югорская земля уже прочно считалась волостью Великого Новгорода; но, к сожалению, пока нельзя сказать, с какого точно момента новгородцы стали смотреть на Югру как на свое владение.

Говоря о самой ранней эпохе распространения Православия в Западной Сибири, уместно вспомнить историю новгородского князя **Глеба Святославича**, внука Ярослава Мудрого, бывшего потомком многих потрудившихся в распространение православия. Бабушка его, супруга князя Ярослава – Ирина-Ингигерда, была дочерью короля Олафа Святого, просветившего Христовою верой Швецию; а матушка Глеба была сестрою трирского епископа Бурхарта. Преподобный Нестор Летописец дает такую характеристику князю Глебу: «бе же Глеб милостив убогим и страннолюбив, тщание имея к церквам, тепл на веру и кроток, взором красен» (т.е. красив лицом).

Всё это приобретает особое значение в связи с превратностями судьбы, приведшими Глеба Святославича в Югорскую землю. В 1071 г. в Новгороде было поднято анти-христианское восстание, возглавляемое некими «волхвами», состоявшими из язычников и еретиков-сектантов богумилов. Это восстание князь Глеб подавил; однако, некоторое время спустя, в 1078 г. перевес оказался уже не на его стороне. Новгородцы изгнали князя, и он бежал в Югорскую землю; здесь Глеб Святославич и его ближайшее окружение из аборигенов, православная чудь, были убиты 30 мая 1079 г.

Примечательно, что благочестивый русский князь, покровитель паломников и храмоздатель, изгнанный из Новгорода в ходе анти-христианского восстания, искал укрытия именно в Югорской земле. Что же это могло быть за место, вероятный православный центр Югры? Современные археологические изыскания позволяют предположить, что таким центром вполне мог быть о. Вайгач – промежуточное звено между крайними отрогами Заполярного Урала и Новою Землей, лежащее на морском пути в Западную Сибирь. Здесь, на Вайгаче в 1980-е гг. среди прочих археологических находок была обнаружена оловянная риза иконы Спаса Нерукотворного Образа, датируемая X-XV вв., эмалевый тельный крест XI-XII вв., а также крестики и другие, характерные для того времени православные тельники: “именные” антропоморфные фигурки, миниатюрные топоры и проч., общий возраст которых восходит к X-XIII вв.

Судя по всему, православная вера и богослужение произвели очень сильное впечатление на местных язычников, поскольку они начинают резать деревянных идолов, в облике которых явственно смешались образы креста и семисвечника. Последнее обстоятельство особенно примечательно: семисвечник просто так с собой не возят, особенно в дальний поход; это – светильник для проведения литургии. Так что абориген, первым вырезавший такого идола, несомненно видел семисвечник и, возможно, присутствовал при богослужении. Идолы такого рода известны по материалам языческих святилищ о. Вайгач.

Разумеется, спектр возможных интерпретаций происхождения всех вышеупомянутых находок достаточно широк – от принесения издалека, через вторые и третьи руки, как сакрально значимых трофеев, до прямой проповеди Слова Божия на Вайгаче. К тому же, систематические исследования здесь только начаты и получен, только первоначальный материал. Но, как бы то ни было, те аборигены Северного Урала и Нижней Оби, что поклонялись идолам на Вайгаче в XI-XIII вв., уже встретились с православием; правда, о конкретных формах этой встречи судить пока рано.

При этом очень важно, морскими берегами Югры русские тогда не ограничились. В XI-XIII вв. наши первопроходцы поднимаются вверх по Оби и ее притокам, энергично осваивая просторы Западной Сибири. Крупный советский археолог В.А. Могильников насчитал в Западной Сибири, как минимум, 2 русских и частично русских поселения, 8 городищ, а также 13 могильников, возраст которых восходит к XI-XIII вв. Самые южные из этих памятников встречаются по р. Тара и близ устья р. Оша, а это – уже Омское Прииртышье.

В числе находок, говорящих о присутствии русского населения в Западной Сибири 1-й половины второго тысячелетия по Р.Х., имеются и прямые свидетельства православной веры – различного рода тельники. Следует также указать на находку у д. Преображенка на р. Оми великолепного меча (XII-XIII в.), оставленного некогда в Барабинской степи. К сожалению, находка сделана вне какого бы то ни было культурного контекста (не в могиле, не на капище, не в культурном слое городища и проч.), и происхождение этого меча пока загадочно. Обломок более раннего меча (конца X-XII вв.) обнаружен в культурном слое Туманского укрепленного жилища на р. Лозьве, в лесном Зауралье.

Позднейшая судьба русских поселений в лесном Обь-Иртышье, возникших еще в домонгольское время, пока неясна. Скорее всего, их обитатели постепенно смешались с местным населением и к XIV-XV вв. растворились в нем. Тем более, что в это время связи русских княжеств с Западной Сибирью хотя и не прерываются, но становятся случайными. А долговременное отсутствие священнослужителей естественным образом привело здешнее православие к одичанию.

Ситуация начинает меняться на рубеже XV-XVI вв., когда епископ Пермский **Филофей** (на кафедре в 1471-1501 гг.) впервые в истории своей епархии перенес проповедь Слова Божия за Урал. Это получило громкий отклик среди аборигенов Западной Сибири. Примечателен в этом отношении мир, заключенный в 1485 г. под рукою Владыки Филофея между местными князьями; в клятвенной церемонии этого мира уже участвовали как крещеная, так и некрещеная стороны.

В начале 1580-х гг. увенчалось блестящим успехом дело покорения Сибири, кропотливо приуготовляемое на протяжении многих лет. Чего только не вместила в себя эта история – и возведенный в 1572 г. (или несколько ранее) Тазовской Городок на месте будущей Мангазеи. И тяжкую долю Василия Тимофеевича Оленина по прозвищу Ермак, в критический момент вынужденного перейти со своими казаками, по извечному русскому обычаю, на самообеспечение. И стратегически безукоризненное действие 1-й половины 1570-х гг. по занятию рек Терек и Яик, что нейтрализовало возможную угрозу всему предприятию по покорению Сибири с южного фланга. И провал идеи одновременного удара по Западной Сибири с моря, через Обскую губу, которую (идею) Строгановы вынашивали через посредство своего агента, голландского штурмана Оливера Брюнеля... Как бы там ни было, в исходе 1582 г. на Москве звонили в колокола и пели благодарственные молебны по случаю того, что казаки «царство Сибирское взяша».

Примечательно, однако, что русское народно-историческое сознание трактовало поход Ермака не столько как военно-политическое, сколько как военно-духовное деяние, как боевую работу по искоренению в земле Сибирской неправых вер и насаждению веры православной. Известная в историографии Сибири «Есиповская Летопись» говорит об этом так (следует обратить внимание на своеобразное использование дьяком Тобольского архиепископского дома Саввою Есиповым, окончившим свой труд в 1636 г., понятия “костел”): «И посла их Бог очисти место, где быти святыне, и победити бусурманскаго царя Кучюма, и разорити богомерзская и нечестивая их капища и костелы <...> Забыша бо они света сего честь и славу, но смерть в живот преложиша, но воспримша щит истинныя веры и утвердившися мужественно, и показавше смелость, и силу, и храбрость свою пред нечестивыми. Не поскорбеша убо о суетных пищах и питиях, и покойное житие отринуша, и ратоборное дело возлюбиша

<...> И вси единогласно глаголюще: “Достойно нам умерети за истинную веру христианскую и пострадати за Христа, и благочестивому царю государю послужити правдою своею” <...> И от казаков поставишася грады и святыя Божия церкви воздвигашася и благочестие просияша. Отпаде вся бесовская служба и костелы, и требища идольская вся разорися и сокрушися, и Боговидение всадися».

С этого момента начинается заселение русскими Западной Сибири, основываются города. В 1586г. основывается Тюмень, который становится местом постоянной службы, многие строят себе дома. В 1587г. основывается Тобольск. В 1593 г. основан город Березов. В 1594 – Сургут и самое древнее русское поселение Омского Прииртышья город Тара. Русские, утверждая свое присутствие, постепенно продвигались на север и менее на юг. В 1604 г. после просьбы местного князя защитить его от кочевников русские основывают Томск. Вслед за служилым людом в Сибирь идут крестьяне и промышленный люд.

И в самом деле, “Боговидение всадися”. Не случайно ведь безымянный “Сибирский Летописец” начала XVIII в. сообщает под 1602 г. как о самом обычном деле: «явился в Сибири в Тобольске святитель Христов Николай Чудотворец, повелевая во свое имя воздвигнути церковь на Прямом взвозе; и по его явлению церковь воздвигнули». Можно добавить лишь, что в этот же 1602 г. Мангазейский воевода С. Пушкин запытал до смерти, по подозрению в утайке хозяйских денег, некоего торгового приказчика Василия – первого по времени святого угодника Сибирской земли... Как очень хорошо сказал еще в середине XIX в. П. А. Словцов в своем “Историческом обозрении Сибири”, «политическое возобладание русскими Сибирью равномерно совершалось и в христианском разуме, через сооружение часовен, церквей, монастырей и соборных храмов. Общее правило тогдашних русских: где зимовье ясачное, там и крест или впоследствии часовня, в селе часовня или церковь, в городе собор и монастырь».

Действительно, основание каждого нового города в Западной Сибири (а их энергичное строительство шло, как указано выше, с начала 1570-х гг.) начиналось с освящения храма. Несколько позже начинает укореняться и монастырское насельничество. Так, уже к 1605 г. завершается строительство первой православной обители в Сибири – Верхотурского Николаевского монастыря. В 1616 г. основан Спасо-Преображенский (впоследствии Троицкий) монастырь в Тюмени.

До сих пор православные приходы в Сибири находились в ведении Казанской епархии; наконец, в 1620 г. открывается особая *Сибирская* епархия с кафедрой в Тобольске. 30 мая 1621 г. первый по времени архиепископ Сибирский и Тобольский **Киприан** (Старорусенин) прибывает к месту своего служения. За три года трудов он много успевает в устройении самой молодой русской епархии, оставив после себя в Сибири около трех десятков храмов, 12 монастырей и множество часовен. Большую помощь Владыке Киприану оказали иноки Хутынского, Волоколамского и Соловецкого монастырей.

Судьба православных монастырей Западной Сибири складывалась подчас очень трудно. Характерный пример – история Воскресенского монастыря в Березове. Впервые этот монастырь был развернут при Воскресенском храме в 1635 г. В 1656 г. обитель упраздняют; однако, в 1696 г. митрополит Сибирский и Тобольский **Игнатий** (князь Римский-Корсаков) открывает ее вновь. В 1699 г. монастырь был закрыт вторично; но и на этот раз митрополит Сибирский и Тобольский **Филофей** (Лещинский) возобновляет его деятельность. Окончательно Воскресенский Березовский монастырь был упразднен в 1723 г.

1-я половина XVII в. – это и время явления покрова Богородицы над Сибирскою землей. Всё началось еще в 1580-е гг., когда на татарском городке Абалак, что в 7-ми верстах от Искера, был возведен храм во имя Преображения Господня. Полвека спустя храм обветшал, но нового не возводили до тех пор, пока в 1636 г. не явилась в Тобольске некая бедная вдова из Новгородской земли, по имени Мария. Этой вдове,

жившей в Абалаке, неоднократно являлась Богородица и повелевала возвести на Абалаке новый храм в честь иконы «Знамения» что в Новгороде, с предстоящими Николаем Чудотворцем и Марией Египетской. В том же 1636 г. была возведена народным собором деревянная церковь. На следующий год протодиакон Матфей написал соответственный образ Богородицы Абалакской, прославленный впоследствии как чудотворный. В 1665 г., по случаю избавления Тобольска от наводнения, устанавливается ежегодный крестный ход с Богородицею Абалакской из Абалака в Тобольск. Позднее, в 1783 г. в Абалак из Невьянского села Пермской губернии был переведен Богоявленский мужской монастырь, основанный в Невьянске еще в 1621 г. трудами архиепископа Сибирского Киприана. По случаю перевода монастырь был переименован в Знаменский.

1642 г. – один из примечательнейших в истории Сибирского Православия. В этот год опочил преподобный Симеон Верхотурский – второй по времени святой угодник Сибирской земли, которого признавали за праведника еще при жизни; и в этот же год впервые были обретыены мощи Василия Мангазейского.

В 1686 г. освящается первый каменный храм в Сибири – Софийский собор в Тобольске.

Начало XVIII в. в истории Православной Церкви Западной Сибири – особая эпоха, означенная именем митрополита Сибирского и Тобольского **Филофея** (Лещинского, 1650-1727). Архимандрит Успенского монастыря в Брянске, о. Филофей (мирское имя его неизвестно) 4 января 1702 г. был поставлен на Сибирскую кафедру; хиротонию совершили митрополиты Стефан (Яворский), Димитрий (Туптало) и Парфений (Небоза). Три месяца спустя, 4 апреля 1702 г. Владыка Филофей прибыл в Тобольск.

Порученную ему епархию Филофей принял «во бесчинии великом». Храмов на просторах Сибири было явно недостаточно, а еще менее того – священнослужителей. Во многих церквях из-за скудости средств, отсутствия книг, богослужебной утвари и облачений не совершались службы. Расселившиеся по Сибири раскольники (старообрядцы) вносили смуту в Церковь, усердно предаваясь самосожжениям. Особую же тревогу митрополита Филофея вызывало отсутствие в Сибири школ. Уже очень скоро он посылает в Киев своего помощника приискать архимандритов, учителей, певчих и студентов. В 1703 г. посланец возвратился с пятью учеными монахами; кроме того, он привез 206 книг, в их числе – Псалтири, Служебники, Часословы, Акафистники, грамматики и проч.

6 декабря 1702 г. митрополит Филофей созывает в Тобольске первый по времени Поместный Собор Сибирской Церкви, ставший одним из самых замечательных событий в истории здешнего Православия. По ходу работы Собора были составлены знаменитые статьи, числом 51, разрешающие многие проблемные вопросы богослужения, жизни и быта духовенства и мирян.

Четверть века своей жизни в Сибири Владыка Филофей неустанно трудился на ниве духовного просвещения. В Тобольске, при архиерейском доме он основал духовную школу для подготовки священнослужителей, в преподаватели которой пригласил иноков из Украины. Это была четвертая провинциальная школа такого уровня и рода в России – после Киева, Чернигова и Ростова Великого. Митрополиту Филофею Сибирь обязана созданием в 1704 г. первого церковного хора из сосланных за неважные вины казаков. Преподаватели же и воспитанники Тобольской архиерейской школы часто ставили духовно-назидательные пьесы.

Митрополит Филофей много заботился об умножении и украшении храмов. Так, в знак горячей своей привязанности к Киево-Печерской Лавре он пристраивает в 1704 г. к Тобольскому Софийскому собору теплый придел во имя преподобных Антония и Феодосия. Особым же попечением Владыки Филофея пользовался Тюменский Троицкий монастырь. Сюда он впоследствии дважды удалялся на покой и здесь же окончил свою земную жизнь.

Кроме того, святитель Филофей немало сделал и для просвещения аборигенов Западной Сибири, о чем будет сказано ниже.

На протяжении двухсот с лишним лет Тобольская кафедра оставалась единственной на просторах Западной Сибири и за свои размеры еще в 1667 году стала митрополией. В 1834 г. в Томске учреждается вторая по счету кафедра нашего региона. Открыта она была как *Томская и Енисейская* епархия (первый по времени предстоятель – епископ **Агапит**). Впоследствии кафедра неоднократно меняла название: с 1860 г. она – *Томская и Семипалатинская*, с 1895 г. – *Томская и Барнаульская*, а с 1908 г. – *Томская и Алтайская*. В 1879 г. при Томской епархии открывается *Бийский* викариат (епископ **Владимир**), а в 1908 г. – *Барнаульский* (епископ **Мелетий**).

В 1895 г. на карте Российской Империи появляется еще один епархиальный город – Омск. Первым по времени епископом *Омским и Семипалатинским* становится Владыка **Григорий (Полетаев)**, переведенный из туркестанской епархии и возглавлявший омскую паству до 1900 г.. С 1911 г. наша епархия значится как *Омская и Акмолинская*, а с 1913 г. – как *Омская и Павлодарская*. Соответственно, в 1911 и 1913 гг. учреждаются две викарных Омских кафедры – *Семипалатинская* (епископ **Киприан**) и *Акмолинская* (епископ **Мефодий**), причем в 1914 г. Акмолинский викариат был преобразован в *Петропавловский*. Причины появления Омской епархии вызваны чрезмерно большими размерами Тобольской епархии, общим развитием региона, перенесением в 1824г. в Омск центра Западно-Сибирского генерал-губернаторства, постепенным продвижением русских в казахскую степь, массовым переселением русского населения с малоземельных областей европейской части России.

Одна из особенностей православия в нашем регионе – миссионерская, просветительская деятельность среди коренного населения. В истории Русской Православной Церкви в Западной Сибири четко выделяются три направления миссионерской деятельности – северное (Нижне-Обское), степное (Киргизское) и горное (Алтайское).

Старейшая православная миссия в Западной Сибири – безусловно, Нижне-Обская. Еще первые русские, появившиеся здесь в XI-XIII вв., усердно трудились в деле просвещения аборигенов. В составе некоторых дружин новгородцев, приходящих на Югру, поминаются священники (одно из первых свидетельств такого рода относится к экспедиции 1193-1194 гг.). В то время священнослужители отправлялись в поход, как правило, лишь в тех случаях, когда предполагалась просветительная, миссионерская работа среди местных жителей. Да и жители торговых факторий, живя бок о бок с туземцами, неизбежно влияли на них – сначала внешним впечатлением от совершающихся обрядов, а затем и содержанием своей веры. Не случайно обские угры уже в X-XIII вв. начинают воспроизводить православные кресты на своих персональных отличительных бляхах.

С покорением Сибири дело просвещения аборигенов было продолжено. В 1599 г. был крещен Кодский князь Алачев с семейством, после чего в 1600 г. в центре Кодского городка были возведены два храма – Троицкий собор с приделом Николая Чудотворца, а также церковь, освященная во имя Собора Соловецких святых. По свидетельству архиепископа Сибирского и Тобольского **Симеона** (на кафедре в 1651-1664 гг.), «в Кодском городке церкви Божии стояли многие лета, и пение Божественное совершалось по вся годы, и их братия, остяки многие, слышали православную христианскую веру, приходя в Кодский городок, крестились». В 1653 г. храмы Кодского городка были развернуты в Кондинский (или Кодский) Троицкий монастырь. Расположенный в самой гуще остяцких (ханты) поселений Нижнего Приобья, Кодский монастырь с самого начала предназначался на роль распространителя православия среди местных язычников. Однако, приступить к полноценному исполнению этой роли монастырь смог лишь в начале XVIII в., когда во главе православной миссии в Западной Сибири встал схимонах **Феодор**, во иночестве митрополит **Филофей (Лещинский)**.

Будучи митрополитом Тобольским, Владыка Филофей всячески поощрял обучение в своей архиерейской школе детей новокрещеных остяков, вогул (манси) и тунгусов, а в 1715 г. предписал обучать местных детей и настоятелю Верхотурского Никольского монастыря. В 1707 г. он посылает священнослужителей с проповедью Евангелия к Березовским осякам. Уже будучи схимником и пребывая на покое, Феодор излагает митрополиту Тобольскому **Иоанну** (Максимовичу), который был на кафедре в 1711-1715 гг. свое давнее намерение – «распространять Православие обращением остяцких народов, во идолопоклонстве заблудившихся», после чего приступает к реализации своего замысла. Инициативу схимитрополита Феодора всецело поддержал Петр I, предписав тому указом от 6 декабря 1714 г. «ехать во всю землю Вогульскую и Остяцкую и во все уезды и в татары, и в тунгусы, и в якуты» и всех инородцев «Божиею помощью и своими трудами приводить в христианскую веру».

Начиная с 1712 г. схимитрополит Феодор совершил шесть миссионерских путешествий по Нижней Оби, приведя в Православную Церковь тысячи язычников и мусульман. Летописец трудов Владыки Феодора пишет об этом, в частности, так: «Иде же множайшее народа собрание селениях устроиша церкви Божьи – в Прохоровской волости, в Острове, иде же прежде многославимаго скверного идола капище бяше, ныне церкви Божия во имя Святыя Троицы; такожде в Сухоруковских юртах, в Малом Атламе».

Впрочем, дело просвещения развивалось непросто; нередко крестившиеся вновь возвращались в язычество. Воспитанник Киево-Могилянской Академии **Григорий Новицкий**, верный спутник схимитрополита Феодора в его миссионерских трудах, уже при митрополите Тобольском **Антонии** (Стаховском) был назначен в Кондинскую волость надзирателем за исполнением новокрещеными осяками христианских обязанностей и впоследствии убит возмущившимися аборигенами. Да и впоследствии просветительная работа православных миссионеров сталкивалась со многими трудностями.

В 1832 г. была учреждена Обдорская Духовная Миссия, но и ее работу долго не удавалось наладить. С целью развития миссионерского дела на Нижней Оби в 1870 г. открывается **Березовская** викарная кафедра Тобольской епархии (епископ **Ефрем**). К сожалению, кафедра эта функционировала недолго и с 1874 г. не замещалась.

Замечательным человеком не только Нижне-Обской Миссии, но и православного миссионерского дела вообще стал архимандрит **Иринарх** (Иван Симонович Шемановский). Он родился в 1873 г.; как дворянин Новгородской губернии и по недостатку средств, воспитывался в Гатчинском Николаевском Сиротском Институте ведомства Императрицы Марии. Курс Гатчинского Института И.С. Шемановский окончил 19-ти лет, в 1892 г. Затем Иван Симонович продолжает свое образование в Новгородской Духовной Семинарии, по выходе из которой в 1897 г. принимает иноческий постриг и ставится во иеромонахи.

Год спустя 25-летний иеромонах о. Иринарх определяется начальником Обдорской Духовной Миссии. Именно при о. Иринархе Обдорская Миссия становится вполне дееспособной просветительной организацией. В числе прочих мер по усовершенствованию миссионерского дела, о. Иринарх основал в 1904 г. и возглавил Обдорское миссионерское Братство во имя святителя **Гурия** – первого по времени архиепископа Казанского, известного своими трудами по обращению инородцев. Братство это призвано было оказывать «помощь миссии в деле распространения христианства между язычниками - самоедами и осяками Обдорского края <...> В целях изучения религиозной жизни язычников, Братством организованы и поддерживаются библиотека с северным отделом, в который вошли материалы существующей литературы об обдорских инородцах, и этнографический музей с отделом шаманского культа». Весной 2007 г. прошла информация о том, что в долине р. Надым найден уникальный для тундры церковно-исторический памятник – православная часовня, возведенная, как можно предполагать, игуменом Иринархом.

В 1912 г. о. Иринарх переводится настоятелем в Царицынский Свято-Духов монастырь 2-го класса Саратовской епархии с возведением в сан архимандрита. Впрочем, настоятельское служение о. Иринарха в Царицыне оказалось недолгим. В том же 1912 г. он ставится начальником Русской Духовной Миссии в Сеуле. По примеру Обдорска, о. Иринарх стремился и в Сеуле поставить миссионерскую работу на научно-исследовательскую почву. В частности, он занимался, по свидетельству одного из сотрудников, «собираением старинных редкостей корейских, как-то: посуды, одежды и всякого рода предметов домашнего обихода – для своего маленького импровизированного музея, который хотел открыть в стенах Миссии. Коллекция вещей <...> стоила ему немалых денег. Это были, в основном, личные средства и в небольшой мере – казенные, миссионерские».

В 1914-1916 гг. о. Иринарх заведует церковно-учительскою семинарией на Седанке, что во Владивостоке. Это назначение было для него безусловной обидой, ибо руководство семинарией, конечно же, гораздо ниже по чину, чем руководство Миссией. Впрочем, за этим последовал перевод в самый центр Азии, в Семиреченскую область, на куда более приличествующую о. Иринарху должность – миссионера-игумена.

Свято-Троицкий Исык-Кульский мужской монастырь, Туркестанской епархии, был учрежден, именно как миссионерский, в 1882 г.; однако, открытие его состоялось лишь в 1886 г. Первоначальная братия этого монастыря была назначена с Валаама – давнего воспитателя миссионеров Русской Церкви. К сожалению, уже в 1889 г. обитель прекращает свою работу вследствие сильнейшего землетрясения; деятельность ее была возобновлена лишь в 1895 г.

Свято-Троицкий монастырь, в который прибыл о. Иринарх, располагался на северном берегу Исык-Куля, в 70-ти верстах от Пржевальска; посреди его возвышался красивый пятиглавый храм. Накануне Первой Мировой войны братия монастыря состояла из игумена, пяти иеромонахов и двух диаконов; послушников насчитывалось около полутора десятков человек. Монастырь был наделен большими луговыми угодьями, главными же отраслями хозяйства были скотоводство, рыболовство и пчеловодство. Предполагалось устроить при обители школу для киргиз-кайсацких детей с интернатом. К сожалению, труды о. Иринарха в Семиречье оказались непродолжительны, а информации о службе монастыря за эти годы вообще крайне мало.

Кончина о. Иринарха оказалась сурова, но вполне достойна православного инока. По свидетельству современника, «имеются лишь только сведения о том, что монастырь Исык-Кульский был разграблен, братия перебита и сам о. Иринарх убит восставшими киргизами в 1917 или 1918 г.». Насколько нам известно, деятельность Свято-Троицкого Исык-Кульского монастыря не возобновлена до сих пор.

Православная миссия в западносибирской степи также имеет давнюю историю. Еще в 1-й половине 1750-х гг. митрополит Тобольский **Сильвестр** (Стефан Гловатский), занимавший кафедру с 1749 по 1755 гг. привел в христианство очень многих из Барабинских татар («целыми деревнями», как писал сам митрополит), и усердно боролся с мусульманскою пропагандой на Барабинской степи и в Оренбургском крае. Возможно, именно с деятельностью Владыки Сильвестра связан большой крест, вырезанный на одной из тех каменных баб, что были доставлены в Омскую крепость и оказались впоследствии в Омском краеведческом музее. По жалобам бухарцев и ясачных татар Владыка Сильвестр был переведен в Суздаль, западносибирская же миссия стала слабеть и скоро пришла, при Екатерине II, в полный упадок. Так, в 1764 г. было разрешено иметь во всей Тобольской епархии только двух (!) миссионеров. На долгие годы едва ли не единственною формой просвещения аборигенов стало крещение бежавших из Киргизской (казахской) степи рабов.

Полвека спустя Высочайший указ от 22 июля 1822 г. дозволил открыть Киргизскую миссию – Впрочем, весьма ограниченную в средствах. Лишь в том месте, где к православной вере обратятся до тысячи человек (что означало “в месте” применительно

к кочевникам – Государь не уточнял), разрешалось строить храм и назначать к нему одного (!) постоянного священника. Кроме того, миссионеры не должны были подвергать крестившихся церковным наказаниям за небрежение постами и обрядами. Всё это превращало Духовную Миссию из действенного просветительного органа Церкви в кружок любителей Православия за казенный счет. И сколько-нибудь результативным просвещение Киргизской степи становится лишь при Императоре Николае I – с открытием в 1824-1844 гг. внешних округов.

Но даже и в новых условиях попытки оживить Православную миссию в степи встречали активное сопротивление. Так, когда архимандрит **Макарий** (Михаил Яковлевич Глухарев, 1792-1847) попытался в 1829-1830 гг. учредить миссионерский стан в Кокчетаве и даже избрал себе в помощники двух воспитанников Тобольской Духовной Семинарии, генерал-губернатор Западной Сибири генерал-от-инфантерии И.А. Вельяминов дал ему решительный отпор. После этого преподобный Макарий направился в Бийский округ Томской губернии, где и стал основателем Алтайской Духовной Миссии.

Тем не менее, несмотря на все препоны, киргизы (по современной терминологии – казахи) внешних округов постепенно обращались в православие. Так, в ряде станиц Сибирского казачьего войска – в Ямышевской, Чистой и некоторых других – до половины населения состояло из крещеных киргиз. Все принявшие крещение киргизы выводились из инородческого состояния и записывались, по желанию, в мещане или казаки – с тем, чтобы удалить их от прежней среды и дать возможность укрепиться в новой вере.

Успехи православия среди киргиз побудили штабс-ротмистра при Азиатском Департаменте Министерства Иностранных Дел султана Чокана Чингисовича **Валиханова** (1835-1865) разработать программу энергичного распространения православной веры в степи. «Необходимо принять теперь же, - писал Ч.Ч. Валиханов в 1863 г., - систематические меры, чтобы остановить дальнейшее развитие ислама между киргизами нашей области (имеется в виду Область Сибирских Киргизов с центром в Омске, открытая в 1854 г. - Авторы) и чтобы ослабить, а если можно, совершенно устранить вредное влияние татарских мулл и среднеазиатских святошей, тем более, что представляется правительству прекрасный случай сделать важный шаг на этом пути, уничтожив действие мусульманских законов в нашей области согласно желанию самого киргизского народа».

«На первый раз, - по мнению Ч.Ч. Валиханова, - следует только снять покровительство над муллами и над идеями ислама и учредить в округах вместо татарских школ русские». Кстати, в 1861 г. один важный шаг в этом направлении правительство уже сделало, дозвав некоторым крещеным киргизам оставаться в степи на прежних инородческих правах. «Мера эта, по нашему мнению, - писал Ч.Ч. Валиханов, - должна в будущем принести немалую пользу киргизскому народу. Киргизы до сих пор думали, что сделаться христианином – значит сделаться казаком или мещанином. Теперь же, вследствие совместного житья и смешанных браков, религиозная вражда будет смягчаться, и крещение не будет, как прежде, разрывать родственных связей».

Инициативу Ч.Ч. Валиханова поддержали его друзья, К.К. Гутковский и А.К. Гейнс – офицеры Генерального Штаба, специалисты по Западной Сибири. На основе материалов этих трех сослуживцев в 1866 г., уже после кончины Ч.Ч. Валиханова, была издана записка “О магометанстве в Киргизской степи и об управлении духовными делами киргизов”. Однако, власть осталась глуха к мнению русских патриотов и лишь много лет спустя чаяния Ч.Ч. Валиханова начали-таки воплощаться, да и то отчасти, в жизнь – когда Алтайская Духовная Миссия, распространяя свою деятельность, достигла Киргизской степи и стала открывать в Семипалатинской и Акмолинской областях свои станы.

В 1882 г. из Алтайской Миссии была выделена новая Миссия, Киргизская, с центром в Семипалатинске; как и Алтайская, Киргизская Миссия подчинялась Томской епархии. Здесь, однако, была уже совсем иная обстановка, не похожая на Алтай: киргиз по среде обитания – степняк, по образу жизни – кочевник, а по вере – магометанин.

Соответственно, и проповедь Православия здесь надлежало организовать иначе, нежели среди алтайцев. На это, к сожалению, не было своевременно обращено внимание, и Киргизская Миссия поначалу оказалась всего лишь плохой копией Алтайской. Вместе с тем, просвещение Семиречья – чем занимался, в частности, учрежденный в том же 1882 г. Иссык-Кульский Свято-Троицкий монастырь – находилось в ведении *Туркестанской* епархии (кафедра в Верном, названном впоследствии Алма-Атой). В результате, единое – в природно-климатическом, историко-культурном и этнокультурном отношениях – миссионерское пространство оказалось искусственно расчлененным между двумя епархиями, что также не способствовало просвещению туземцев.

С открытием в 1895 г. Омской епархии, Киргизская Духовная Миссия перешла в ее состав. Можно было ожидать, что новая епархия, преимущественно миссионерская по своему характеру, даст мощный толчок делу просвещения киргиз. Этого не произошло, но менее всего здесь следует винить Омских архипастырей или же самих миссионеров. Хроническое безденежье (или, как деликатно выражались тогда в ежегодных отчетах, «острая нужда в материальных средствах») оставалось кошмаром Киргизской Миссии до последних дней ее существования. Некоторые станы годами оставались без проповедников, и дошло до того, что к 1907 г. число станов было сокращено на 20%.

Вместе с тем, стремительный наплыв русских переселенцев из европейской части страны в конце 19 в. поставил миссионеров перед необходимостью исполнять обязанности приходских священников. Правда, поначалу миссионеры рассчитывали, что благочестие русских землепашцев послужит добрым примером для подопечных земляков. Когда же оказалось, что среди колонистов (в особенности – среди выходцев из Малороссийских губерний) распространен баптизм и другие сектантские убеждения, перспективы просвещения киргиз встали под большой вопрос.

Размеры этого вопроса еще более возросли с дарованием в 1905 г. поданным русского государя вероисповедных свобод. Мусульмане, будучи сплоченными, хорошо организованными общинами, среди которых православные степняки составляли небольшую горсточку, освободились от всяких ограничений и отныне не желали довольствоваться свободным исповеданием веры и отправлением обрядов. Уже в 1911 г. сотрудники Киргизской Духовной Миссии констатировали: «Заметно, что киргизы в религиозном отношении, благодаря открытой пропаганде ислама, продвинулись сравнительно далеко и хорошо успели усвоить, по крайней мере, обрядовую сторону магометанского вероучения».

Характерно, что дарование вероисповедных свобод сопровождалось одновременным прекращением финансирования Киргизской Миссии. Все средства Миссии стали составлять исключительно сборы и пожертвования; последние же, при откровенном общем падении религиозности тогдашнего русского общества, неуклонно сокращались.

Как с горечью писал в своих воспоминаниях генерал-от-инфантерии И.Ф. Бабков, бывший в 1869-1890 гг. начальником штаба Западно-Сибирского (Омского) военного округа, «если киргизы сделались магометанами, то этим они всецело обязаны русским властям <...> Неопровержимым свидетельством, что мусульманская пропаганда шла в киргизские степи со стороны России, служит то обстоятельство, что омусульманились особенно киргизы, кочующие по соседству с нашими военными линиями, тогда как шаманизм сохраняется между теми из них, которые имеют свои кочевки поблизости к Хивинским, Бухарским и бывшим Кокандским пределам, т.е. к настоящим мусульманским странам». Аналогичные выводы делают и позднейшие исследователи (такие, как Л. Климович), констатируя, в частности, что «распространители мусульманства не добились в Киргизии больших успехов» и лишь «русское самодержавие способствовало мусульманизации Киргизии (здесь имеется в виду территория Киргизской ССР. - Авторы)».

В этих условиях Киргизская Духовная Миссия добивалась, на первый взгляд, невозможного. При каждом стане действовала школа, часть которых содержали местные общества Сибирского казачьего войска. Близ Семипалатинска в 1906 г. была открыта Знаменская миссионерская женская община, преобразованная в 1906 г. в монастырь. При монастыре имелись приют для сирот и приемный покой; здесь же хранился чудотворный список особо чтимой сибиряками Абалакской иконы Знамения Богородицы. С целью взаимопомощи было организовано братство, членами которого состояли все служащие Миссии; существовало также шесть попечительств, которые поддерживали Миссию извне, со стороны православных мирян.

Вообще, Киргизскую Духовную Миссию во многом спасал присущий ей мощный духовно-интеллектуальный потенциал. Все начальники Миссии предварительно прошли школу помощников начальника той же Миссии, а впоследствии были возведены в архипастырей. Первый начальник Миссии в составе Омской епархии, архимандрит **Сергий** (Петров) окончил по высшему разряду Императорский Московский университет, после чего принял иноческий постриг. Второй, третий и четвертый начальники, архимандриты **Макарий** (Павлов), **Владимир** (Тихоницкий) и **Киприан** (Комаровский) – кандидаты богословия Духовных Академий. Сотрудники Миссии всех рангов вели изыскания в области археологии, этнографии, истории, активно участвовали в работе Семипалатинского Подотдела Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества; в частности, иеромонах **Мануил** (Лемешевский) – впоследствии митрополит, автор “Каталога Русских Иерархов” – изучал историю иконописания в Сибири. Труды членов Киргизской Духовной Миссии Семипалатинск стал одним из ведущих центров церковно-исторической и церковно-археологической науки в Западной Сибири. На рубеже XIX-XX вв. с ним мог тягаться в этом отношении лишь Томск, да и то благодаря университету.

Самая поздняя, по времени возникновения в Западной Сибири – Алтайская Духовная Миссия. Ее основал в 1830 г. выдающийся человек Церкви преподобный **Макарий** (Глухарев), прозванный апостолом Алтая. Менее чем за столетие трудами миссионеров из язычества в православие было обращено более половины аборигенов Горного Алтая и Горной Шории. По официальным оценкам начала XX в. Алтайская Миссия признавалась «образцом и руководителем» для всех русских православных Миссий. Разработки алтайских миссионеров XIX в. в области этнографии и лингвистики и сегодня сохраняют научное значение.

В основе миссионерского Устава, составленного преподобным Макарием, лежали традиции иноческого общежития и старчества, которые Макарий, воспитанник Глинской пустыни, воспринял через старца **Ливерия**, духовного сына преподобного **Паисия** (Величковского). Кроме того, до призвания на миссионерское служение преподобный Макарий был собеседником **Серафима** Саровского. Свой Устав Макарий оформил как чистосердечное коллективное благопожелание; вот лишь некоторые примеры из этого документа. «Желаем, да будет у нас всё общее: деньги, пища, одеяние, книги и прочие вещи; и сия мера да будет для нас удобностию в стремлении к единому сердцу. Желаем тому из нас, кому определением начальства будет поручено особенное попечение о деле проповедания, повиноваться по правилам иноческого общежития <...> Желаем принимать от него наставления со вниманием, смирением и любовью <...> желаем быть пред ним искренними и откровенными в частом исповедании помыслов». Следует добавить, что миссионеры Алтая с самого начала своей деятельности в обязательном порядке вели путевые записки. В результате, к настоящему времени существуют десятки опубликованных и сотни неопубликованных записок, дневников, путевых заметок алтайских миссионеров, исключительно ценных как церковно-исторические источники.

Изучив диалекты аборигенов Горного Алтая, преподобный Макарий создал, на основе телеутского наречия, алтайскую письменность, перевел на алтайский язык почти

всё Евангелие, избранные места из деяний св. Апостолов, Первое послание Иоанна Богослова, многие псалмы и другие избранные места из книг Ветхого Завета, составил краткую Священную Историю и вопросы для исповеди.

До открытия в 1834 г. Томской епархии, Алтайская Духовная Миссия подчинялась Тобольской кафедре, а затем – Томской.

К 1844 г. в Алтайской Духовной Миссии насчитывалось 15 сотрудников, 3 храма, 3 стана, 2 школы, 4 селения для новокрещеных алтайцев. При преемниках преподобного Макария штат Миссии заметно увеличился. К 1858 г. в ней трудилось уже 18 священников, 12 иноков и 4 псаломщика. К 1865 г. была переведена и напечатана на алтайском языке Божественная литургия свт. Иоанна Златоуста, получено разрешение Святейшего Правительствующего Синода совершать богослужение на алтайском языке.

К 1917 г. Алтайская Духовная Миссия имела 31 отделение, 3 монастыря, 2 общины, 84 школы. В 434 селениях Миссии проживало более 45 тыс. крещеных алтайцев и шорцев. Летом 1917 г. распоряжением Временного правительства все школы были отняты у Миссии, после чего они прекратили существование, так как новая власть была не в состоянии обеспечить их содержание. В 1920-1930-е гг. были закрыты все миссионерские станы, монастыри, часовни и бóльшая часть храмов.

Начало XX в. ознаменовано в Западной Сибири открытием значительного числа монастырей и общин. В 1901 г. в Омской епархии учреждается Михаило-Архангельский женский монастырь, а в 1910 г. – Ачаирская женская община. В Тобольской епархии только в 1907 г. появляются три женских общины – Петропавловская, Скорбященская и Рафаиловская Успенская. В Томской епархии в 1911 г. создается Чемарская миссионерская женская община, а в 1913 г. – Иверская женская община. Новые обители продолжали открываться и в годы Первой мировой войны. Так, в Тобольской епархии в 1914 г. появляется Суклемский Троицкий мужской монастырь, а в 1916 г. – Николаевская женская община и Обдорский Богородицкий женский монастырь. В Томской епархии в 1916 г. открывается Кугуловская женская община.

Для бурной эпохи революции и первых лет Советской власти характерен значительный рост числа епархий в Русской Православной Церкви вообще и в Западной Сибири в частности. Ранее всех, еще в 1917 г. возобновил свою деятельность **Березовский** викариат Тобольской епархии; тогда на Березовскую кафедру был поставлен епископ **Иринарх**. Правда, эта епархия просуществовала недолго – лишь до 1924 г. В 1919 г. возобновляет свою деятельность **Акмолинская** кафедра (епископ **Гавриил**). В 1921 г. открывается, как викариат Томской кафедры, **Кузнецкая** епархия (епископ **Никон**), которая в 1924 г. преобразуется в самостоятельную; и совсем не на долго, лишь на 1924-1927 гг. в Томской же епархии возникает **Рубцовский** викариат (епископ **Никита**). В том же 1924 г. учреждаются **Курганская** (епископ **Алексий**) и **Новосибирская** (епископ **Никифор**) кафедры. Одновременно при последней из них открывается викарная **Горно-Алтайская** епархия (епископ **Василий**; кафедра упразднена в 1926 г.). В 1925 г. открывается **Тюменский** (епископ **Серафим**; кафедра упразднена в 1928 г.), а в 1927 г. – **Ялutorовский** (епископ **Серафим**) викариаты Тобольской епархии.

В 1930-е гг. территориально-каноническое обустройство Русской Православной Церкви было нарушено; действующие кафедры одна за другой переставали замещаться и становились вдовствующими из-за физического устранения советской властью архиереев. На территории Западной Сибири этот процесс выглядел так. Раньше всех, в 1932 г. перестают функционировать **Акмолинская** (крайний по времени предстоятель – епископ **Иоанникий**) и **Ялutorовская** (епископ **Серафим**) епархии. В 1934 г. овдовела **Курганская** епархия (епископ **Иракий**), в 1935 г. – **Тобольская** (епископ **Борис**), а в 1936 г. – **Кузнецкая** (епископ **Павел**). Но более всего утрат приходится на 1937 г. В этот год овдовела **Томская** (епископ **Серафим**) кафедра, а также викарные ей **Барнаульская** (епископ **Григорий**) и **Бийская** (епископ **Григорий**). В том же году перестали замещаться **Новосибирская** (епископ **Сергий**) и **Омская** (епископ **Фотий**)

кафедры, а также викарные Омской *Петропавловская* (епископ **Тихон**) и *Семипалатинская* (епископ **Александр**).

В середине 1940-х гг. в Русской Православной Церкви начался обратный процесс, процесс восстановления правильной структурной организации. В Западной Сибири первой по времени, в 1943 г. была замещена самая молодая кафедра, *Новосибирская*; ее занял архиепископ **Варфоломей**, который одновременно стал временным управляющим всех епархий Сибири и Дальнего Востока. В 1949 г. при Новосибирской кафедре был учрежден *Бийский* викариат (епископ **Никандр**; епархия просуществовала до 1957 г.). В 1945 г. восстанавливается *Алма-Атинская* кафедра (архиепископ **Николай**), в составе которой отныне будут и приходы Западной Сибири; в 1946 г. – *Омская* (архиепископ **Алексий**), в 1947 г. – *Семипалатинская* (архиепископ **Палладий**), а в 1957 г. – *Петропавловская* (епископ **Иосиф**). Впрочем, две последние кафедры просуществовали недолго; в 1956 г. Семипалатинская, а в 1960 г. Петропавловская вошли в состав Алма-Атинской епархии. Таким образом, к исходу 1980-х гг. приходы Западной Сибири окормляли три кафедры русской Православной Церкви – *Омская и Тюменская, Новосибирская и Барнаульская*, а также *Алма-Атинская и Казахская*.

В 1990-е гг. начался процесс разукрупнения епархий. Ныне, к началу XXI в. в Западной Сибири действует 10 епархий Русской Православной Церкви: *Тобольская и Тюменская* (архиепископ **Димитрий**, на кафедре с 1990 г.), *Екатеринбургская и Верхотурская* (архиепископ **Викентий**, на кафедре с 1999 г.), *Курганская и Шадринская* (епископ **Михаил**, на кафедре с 1993 г.), *Омская и Тарская* (митрополит **Феодосий**, на кафедре с 1986 г.), *Томская и Асиновская* (архиепископ **Ростислав**, на кафедре с 1998 г.), *Новосибирская и Бердская* (архиепископ **Тихон**, на кафедре с 2000 г.), *Кемеровская и Новокузнецкая* (епископ **Аристарх**, на кафедре с 2006 г.), *Барнаульская и Алтайская* (епископ **Максим**, на кафедре с 2002 г.), *Чимкентская и Акмолинская* (архиепископ **Елевферий**, на кафедре с 1991 г.), *Астанайская и Алма-Атинская* (митрополит **Мефодий**, на кафедре с 2003 г.).

Вопросы:

1. Когда и каким образом православие проникает в Западную Сибирь?
2. Как современники воспринимали поход Ермака?
3. Какими способами русские переселенцы утверждали православие в Сибири в 17в.?
4. Назовите первые монастыри Сибири?
5. Как вы думаете, какие положительные последствия для православия имело учреждение сибирской епархии?
6. Где и когда появляются первые русские города в Сибири и в Омском Прииртышье?
7. Назовите наиболее значимые духовные события в истории Западной Сибири 17в.?
8. Какие проблемы в жизни сибирской епархии пришлось решать Филофею Лещинскому?
9. Назовите причины открытия Омской епархии?
10. Какие территории в разное время входили в состав Омской епархии?
11. Почему особенностью православия в Западной Сибири были активная миссионерская и просветительская деятельность?
12. Назовите имена наиболее ярких миссионеров? Какой вклад в изучение Западной Сибири они внесли?
13. С какими сложностями столкнулась православная миссия среди киргизов?
14. Какими правилами жизни должны были руководствоваться миссионеры по уставу Макария Глухарева?

ИСЛАМ

Ислам является официальной религией подавляющего большинства проживающего на юге Западной Сибири тюркоязычного населения. Это население исповедует суннизм - наиболее многочисленное направление в исламе.

Среди историков нет единодушия в определении времени начала распространения ислама в Сибири. Согласно наиболее распространённой точке зрения, ислам появился в Сибирском ханстве как официальная религия в 70-е гг. XVI в. при хане Кучуме. Однако это мнение не является среди исследователей единственным. Наиболее раннюю датировку проникновения ислама в Сибирь выдвигает Ф.Т. Валеев «Можно предположить возможность распространения ислама среди предков сибирских татар непосредственно представителями арабского духовенства, прибывшими в X в. к волжским булгарам в составе посольства Багдадского халифата».

С другой стороны, самую позднюю дату этого события уже давно предложил В.В. Бартольд. По его оценке, ислам реально распространяется среди тюрков Сибири уже после прихода русского населения. Это мнение, кстати, подтверждают и современные археологические данные. Они свидетельствуют, что в археологических памятниках южной части Западной Сибири XVII-XVIII вв. практически нет предметов мусульманского религиозного культа. Очевидно, большей части коренного населения Западной Сибири в это время были ещё чужды идеи ислама.

Наконец, среди мусульман Западной Сибири бытует предание, согласно которому ислам проник на эту территорию в конце XIV в., точнее – в 1394 г. Именно эта дата фигурирует в двух документах, хранящихся ныне в Тобольском государственном музее-заповеднике. Эти две татарские рукописи конца XIX в., написанные арабским письмом и принадлежащие Са'д Вакасу Аллакулову и Кашафу Абу-Саидову. Обе рукописи переведены и изданы в начале XX в. профессором Казанского университета, ученым-востоковедом Н. Ф. Катановым. Рукописи являются компиляцией ранних источников.

По данным этих источников, в 797 г. Хиджры (1394-1395 гг.) на берега Иртыша пришли 366 конных шейхов и выступивший с ними в союзе хан Шейбан с 1700 отборными воинами и учинили там великое сражение за веру с жившими по берегам Иртыша язычниками - народами Хотан, Кара-Кыпчак и Ногай. В результате сражений язычников и татар истребили несметное количество, но и многие из самих шейхов погибли, стяжав мученический венец. Прибывшие в Сибирь мусульманские миссионеры считались учениками и последователями Ходжи Баха ад-дина Накшбанда (1318-1389 гг.), который являлся одним из руководителей суфийского братства, названного по его прозвищу Накшбандией.

Следует подчеркнуть, что всеми исследователями распространение ислама рассматривается как процесс очень длительный, противоречивый и, безусловно, не сводящийся к какому-либо одному событию или историческому эпизоду.

Исходя из этого утверждения, можно заключить, что распространение ислама в Западной Сибири прошло несколько этапов:

1. **Первые десятилетия XV в.** Ислам привнесён окружением Тохтамыша и распространяется в местной верхушке общества.

2. **60-70 гг. XVI столетия.** Благодаря политике, проводимой ханом Кучумом по привлечению проповедников, торговцев из районов Средней Азии новое религиозное учение ещё не находило широкой социальной базы, а было распространено в господствующих слоях общества.

3. **XVIII-XIX вв.** Для данного этапа характерно расширение среды, в которой распространяется ислам. Но нельзя считать, что это явление получило массовый характер. Во-первых, ещё сохранявшимся пережиткам древних

религиозных форм; во-вторых, распространяется влияние христианской религии, которая завоёвывала всё более прочные позиции, иногда вытесняя ислам.

Первоначально ислам в Сибири распространялся насильственным путём. Это можно проследить из содержания рукописей, переведённых Н. Ф. Катановым. Лишь после захвата власти в Сибирском ханстве ханом Кучумом в 1563 году ислам среди татар и других народов Сибири начал распространяться относительно мирным путём, хотя местами проповедники прибегали к насилию, дабы обратить язычников в новую веру.

Говоря о причинах распространения ислама по западной Сибири, следует иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, проникновение ислама из Средней Азии объясняется стремлением Бухарского и Хивинского ханств усилить своё экономическое и политическое влияние на народы, проживавшие в Сибири и представлявшие собой значительный массив тюркского населения. Во-вторых, распространение ислама в Западной Сибири было связано с внутренними социально-политическими условиями. Во второй половине XVI в. Сибирское ханство превращается в самостоятельное государство. Однако дальнейшее развитие этого государства тормозилось существованием в его составе мелких феодальных владений (княжеств), во главе которых стояли мурзы, выходцы из татарской знати: Баба Хасан (в русской адаптации мурза Бабасан), Карача, Суклем и др. Мелкие княжества не всегда подчинялись центральной власти. Политическая раздробленность, остатки родового строя, шаманизм и реликты более древних религий мешали укреплению верховной власти хана.

Ислам же, как одна из мировых религий с его идеей веры в единого бога - Аллаха, имевшего свой кодекс мусульманского права, разработанного на основе Корана, был мощным идеологическим оружием для искоренения родовых отношений и укрепления центральной власти. Вот почему Кучум обращался к бухарскому Абдуллахану с просьбой прислать в Сибирь, в столицу Сибирского ханства Искер, несколько человек из представителей высшего мусульманского духовенства для распространения ислама. По преданиям тобольских татар, в 1572 году в Искер из Средней Азии прибыла большая группа духовных лиц, которая с почётом была встречена Кучумом. Прибывшие в составе этой группы духовные лица принимали активное участие в распространении ислама среди сибирских татар и обитавших на территории ханства хантов (остяков) и манси (вогулов), а некоторые из них занимали высшие государственные и духовные должности в ханстве.

Но, несмотря на то, что Кучум приложил немало усилий для распространения ислама на территории Сибирского ханства, ему не удалось добиться принятия ислама не только предками современных хантов и манси, но даже частью татар, обитавших в отдельных районах ханства. Так, при Кучуме не приняли ислам аялинские татары, проживавшие у устья реки Тары. В 1639 г. продолжали оставаться язычниками и татары, проживавшие по реке Ница, правого притока Туры. А среди барабинских татар ислам тайно распространялся татарскими муллами только в XVIII в.

Другой путь проникновения ислама в Сибирь лежал через Казанское ханство. Конечно, можно думать о возможности распространения ислама в Сибири волжскими булгарами. Эта идея, несомненно, представляет научный интерес и не лишена основания. Например, в литературе имеются сведения о поездках болгарских учёных далеко на север с целью изучения небесных тел, а также о переходе болгар через Урал и достижении ими берегов Оби. Более того, можно предположить возможность распространения ислама в Сибири непосредственно представителями арабского духовенства, прибывшими в X в. к волжским булгарам в составе посольства Багдадского халифата. Имеются сведения об отправлении с территории Волжской Булгарии арабского каравана из 20 верблюдов к берегам Енисея. Путь каравана пролегал через просторы Западной Сибири. Логично предположить, что арабы в Сибири занимались не только торговлей, но и распространяли там ислам, так как в составе отправлявшихся в такое далёкое путешествие были духовные лица. Однако сказанное выше ещё не даёт полных оснований утверждать о

распространении ислама в Сибири волжскими булгарами. Пока мы не располагаем историческими, археологическими и другими источниками, подтверждающими существование экономических, культурных, а также конфессиональных контактов между народами Сибири и волжскими булгарами в домонгольскую эпоху.

Казанские ханы поддерживали династийные связи ещё с XV в. с правителями Тюмени из рода Тайбуги - выходцами из сибирско-татарской аристократии. В Сибири часто появлялись из Казани представители мусульманского духовенства (абызы), которые принимали участие в распространении ислама среди сибирских татар, казахов. Ислам сыграл большую роль в объединении мелких татарских владений в единое феодальное государство в лице Сибирского ханства.

Сильным конкурентом ислама в Сибири выступило христианство, получившее активную поддержку со стороны государства. В XVI-XVII вв. православные миссионеры христианизуют татар, угров и других малочисленных народов Сибири. Эта задача была возложена на открытую ещё в 1620 году в Тобольске епархию. Такая политика особенно активно проводилась в первой четверти XVIII в., в период царствования Петра I. В своей борьбе за сильную централизованную власть Пётр Великий добивался подчинения церкви государству. Он ставил перед церковью практическую задачу: средствами религиозного воздействия на верующих служить делу укрепления самодержавной власти.

Особенно активные действия препятствующие укреплению ислама начались в конце XVII - первой половине XVIII в., когда последовала серия указов, касающихся взаимоотношений церковных и государственных органов с мусульманами. Предписывалось крестить жителей Тобольска (1686 г.), наблюдать, чтобы мечети строились в отдалении от церквей (1703 г.), уничтожать «кумиров» инородцев (1714 г.). В 1745 г. было запрещено совместное проживание крещённых и некрещённых татар, приказано переселить «неверных от христиан» на других места. В 1749 г. новокрещённых татары Тарманских юрт обратились к митрополиту Сильвестру с просьбой о разрешении проживать в своих домах, но высокопреосвященный приказал «с татарами и прочими иноверцами никакого сообщения не иметь под опасением себе, по церковным правилам, истязания и наказания».

Насильственное крещение вызвало со стороны татар протесты и жалобы. Например, в 1751 году тарский бухарец Алим Шихов, являвшийся постоянным агентом русского правительства в Средней Азии, как выборное лицо от сибирских татар ездил в Петербург. Он вручил императрице Елизавете письменную жалобу татар на сибирского митрополита Сильвестра Гловатского о принуждении креститься в православную веру татар и бухарцев и «чинении им обид».

Периоды царствований императриц Анны Иоановны (1730-1740 гг.) и Елизаветы Петровны (1741-1761 гг.) ознаменовались дальнейшим распространением христианства в Сибири и ужесточением позиций по отношению к мусульманам со стороны государства.

В эти годы было разрушено и сожжено много мечетей, новые же здания религиозного культа строить запрещалось. Однако старания православного духовенства по обращению мусульман в Сибири не увенчались успехом. Ислам явился сильным конкурентом христианства. Только государственная помощь давала перевес христианской религии.

В конце XVIII в. политика государства относительно приверженцев мусульманской религии меняется. 17 июня 1773 г. выходит указ императрицы Екатерины II «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных вероисповеданий и до построения по их закону молитвенных домов». В этом документе говорилось, что архиереи должны были прилагать старания, чтобы от того между подданными Ея Императорского Величества не могло быть *«никакого разногласия, а паче же между ними любовь, тишина и согласие царствовало»*.

Осознав, что ислам не изжить, государство ищет способы контроля над мусульманами, поэтому меняет политику в сторону поддержки ислама и мусульманских лидеров. Православие являлось официальной и самой многочисленной религией в сибирском регионе, но мусульман тоже было много. Правительству вступило на путь примирения с исламом в целях использования его наравне с православием. Поэтому правительство решило поставить ислам себе на службу. Этот шаг был совершён в правление Екатерины II. По приказу императрицы в 1782 г. в Уфе учреждается должность муфтия - главы мусульманского духовенства. На эту должность указом императрицы был назначен Мухамет Джан Гусейн. Муфтию был положен от государства оклад в 1500 рублей. При главе мусульман должно было существовать духовное собрание мусульман, состоящее из 2-3 мулл, испытанных в верности, доброжелательном и незапятнанном поведении и доказавшие свою лояльность по отношению к властям. Спустя 6 лет специальным указом императрицы Екатерины II от 22 сентября 1788 года, в Оренбурге было учреждено Магометанское духовное собрание.

Открытие собрания состоялось 4 декабря 1789 г. в Уфе, и первоначально оно называлось «Уфимское Духовное Магометанского закона Собрание» (с 1796 г. - Оренбургское).

В ведении Духовного собрания находились: испытание претендентов на приходские должности в знании канонов ислама, надзор за действиями духовенства мусульманского, строительство и ремонт мечетей, заключение браков, имущественные споры, случаи неповиновения детей родителям, правильность исполнения мусульманских обрядов и ведения метрических книг приходским духовенством.

Структура Духовного собрания была трёхступенчатой: высшая (муфтиат) состояла из муфтия, 5-6 казиев (судей), ответственного секретаря, переводчика, столоначальников и писарей; средняя (мухтасибат) - из 2-5 человек во главе с мухтасибом (контролёром мусульманской общины); нижняя (мутаваллиат) - из муллы, муэдзина и секретаря - казначея при каждой мечети.

Открытие Духовного Магометанского Собрания позволило получить юридический статус служителям мечети как особому сословию.

В 1787 г. на волне Просвещения в контексте сложных отношений с Турцией и по просьбе мусульман России в типографии Академии наук в Петербурге по приказу императрицы Екатерины II впервые в России был напечатан полный арабский текст Корана. Текст был подготовлен и снабжён комментариями муллой Усманом Ибрахимом и напечатан специально отлитым для этой цели арабским шрифтом. По указу от 15 декабря 1800 г. были сняты ограничения к печатанию в России мусульманской религиозной литературы, а в Казани в 1802 г. была открыта первая мусульманская типография. Сюда в 1800 и 1801 гг. был передан арабский шрифт из типографии Академии наук. Уже в первые годы (1802-1806 гг.) в этой типографии было напечатано 41200 экземпляров мусульманских книг, в том числе 3500 экземпляров полного текста Корана. В дальнейшем Казанская типография значительно увеличила свои тиражи.

Эти шаги свидетельствуют о том, что государство решило окончательно отказаться от старых методов борьбы с исламом и использовать его как самостоятельную силу в своих политических интересах (окончательный поворот государства в сторону веротерпимости произошёл после Крестьянской войны 1773-1775 гг.). Таким образом, произошло не только «умиротворение» мусульман, но и началось активное продвижение русской государственности в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию.

Правительство России также активно поддерживало ислам в Казахстане (вплоть до середины XIX века), пытаясь использовать его для укрепления своих позиций. По указу императрицы Екатерины II от 2 мая 1783 г. в Казахстане велось активное строительство мечетей для казахов не только по Иртышской и Уральской линиям военных укреплений, но и в глубине степи. Мечети строились за счёт российской казны.

Всё это лишний раз свидетельствует о благоприятном отношении государства к исламу. Последователям магометанского вероисповедания придавалось всё больше свободы, в том числе и религиозной, и самостоятельности. Ислам в этот период получает серьёзную поддержку со стороны российского государства и наряду с православием прочно занимает одну из ведущих позиций.

О полномасштабном распространении ислама в Западной Сибири свидетельствует и тот факт, что в конце XVIII в. начинается активное возведение мечетей, при поддержке государства.

Строительство мечетей на юге Западной Сибири тесно связано с политикой русского государства в данном регионе. Наиболее крупные крепости на границе с кочевниками были построены в первой половине и середине XVIII в.: Омская в 1716 и Петропавловская в 1752 году. Возведение первой мечети на Сибирской пограничной линии, в крепости Петропавловск, связано с указом императрицы Екатерины II и Правительствующего Сената. Чертёж мечети 1817 года, демонстрирует редчайшее для Сибири явление - мечеть была выстроена по типу двухколоколенных западноевропейских храмов в ренессансном духе. Возведение было начато в 1792 году. Аналогом (в определённом смысле) Петропавловской мечети являлась двухколоколенная Ильинская церковь в Омске (1781-1789 гг.).

В январе 1824 года генерал-губернатор Западной Сибири генерал-лейтенант от инфантерии Пётр Михайлович Капцевич обратился в Сибирский комитет с предложением о постройке в Омске каменной магометанской мечети.

Ещё в 1822 г., как только П. М. Капцевич занял пост генерал - губернатора Западной Сибири и избрал столицей губернаторства Омск, к нему обратились депутаты Киргиз - Кайсацкой орды и представители Омского общества магометанского исповедания с просьбой построить мусульманскую мечеть. Жителей - мусульман в Омске было совсем немного, но положение столицы Западно-Сибирского генерал - губернаторства, центра Омской области, охватывающих значительную территорию степных пространств, наличие в Омске ряда учреждений, ведавших вопросами управления «сибирскими киргизами», требовали открытия в городе мечети.

Генерал - губернатор выразил согласие на строительство и предложил магометанскому обществу провести сбор пожертвований на мечеть. Собранная сумма оказалась незначительной, и П. М. Капцевич принял решение попытаться осуществить строительство мечети за счёт государственной казны.

В Петербург был отравлен проект «Предполагаемой магометанской мечети к построению в областном городе Омске», сочинённый в Омске 14 января 1824 года за подписью инженера-полковника Булыгина и Р. Маковецкого.

Решение, принятое в столице, оказалось положительным. Сметная стоимость была 59439 рублей 95 копеек, эту сумму предполагалось выделить по частям в течение трёх лет. Финансирование началось с 1826 года. Но было решено уменьшить размеры мечети, вместо высоты 5 1/2 сажени сделать 4 сажени, пропорционально изменив остальные величины. Строительство здания, меньше запроектированного, было обусловлено отсутствием в Омске искусного и опытного архитектора.

Строительство было поручено инженеру-полковнику Булыгину. В 1827 году возникла проблема с местом постройки мечети. Исполняющему должность Омского областного начальника полковнику С. Б. Броневскому был направлен план мечети с просьбой назначить место на плане. Таковым был выбран Казачий форштадт. Войсковая Канцелярия Сибирского казачьего войска направила Омскому областному начальнику майору де Сен-Лорану рапорт с протестом на строительство мечети, ибо на указанном месте предполагалось построить церковь. Выбрали новое место - за шлагбаумом на выезде к Семипалатинску, но оно не устроило магометан - «далеко ходить для богомоления». В результате был выбран компромиссный вариант: мечеть заложили в Новой Слободке, на площади Казачьего форштадта.

К постройке приступили в 1827 году, к зиме стены были выложены до окон. Материалы купили на Ирбитской ярмарке. На следующий год выстроили всё здание, а в 1829 году осуществили отделочные работы. В строительстве принимали участие инженер - прапорщик Елисеев и Новосёлов, прапорщик Телятьев и рабочие из солдат. На оставшиеся 5304 рубля был построен деревянный посольский дом для приезжавших в Омск султанов и родоначальников. Проект и смету дома составил С. А. Булыгин, он же руководил строительством. Вокруг мечети была возведена каменная ограда на каменных столбах. Выстроенная мечеть была в то время одним из самых величественных зданий в городе. Длина мечети с минаретами была 13 сажень, высота 3 сажени и 2 1/4 аршина, минареты высотой 10 1/2 сажень, стены толщиной 3 фута (2769; 1064; 2236,5; 91,5 см. соответственно). Внутри минаретов были винтовые лестницы в 80 ступеней. Стены были окрашены белой краской, карнизы внутри - жёлтой. Купола были зелёными, шпильки из жести, на них медные шары, вызолоченные листовым золотом, сверху были покрыты белой жемчужной полумесяцы.

В конце 1829 года государством было определено жалование: имаму (мулле) - 300; муэдзину - 200; надзирателю - 180; 3 сторожа - офицеру 7,50; рядовым 5 р. в год - 210; на отопление и освещение - 400. Итого - 1290 рублей.

30 декабря 1829 г. уже генерал - майор Бусыгин просил Начальника Омской области де Сен-Лорана принять мечеть и посольский дом по описи в гражданское ведомство.

Освидетельствование мечети и посольского дома для принятия в казну было проведено летом 1830 года Омского областного правления старшим советником Забелиным, областным архитектором Татариновым и городничим Налабардиным. Омская мечеть начала действовать.

Во второй половине XIX века государство продолжало политику по возведению мечетей на территории Сибири. В архивных документах за этот период можно встретить прошения отдельных мусульман о разрешении построить мечеть на принадлежащей им земле.

Прошения подобного рода и с подобными просьбами не были единичными. Большинство подобных прошений было подано в 70-е гг. XIX в.

По имеющимся сведениям (на 1868 г.) в городах и округах Тобольской губернии было построено следующее количество зданий мусульманского религиозного культа:

Тобольск - 1 деревянная мечеть, в округах его - 1 каменная и 50 деревянных мечетей

Омск - 1 каменная мечеть

Тюмень - в округе его - 31 деревянная мечеть

Петропавловск - 2 каменные мечети

Тара - 1 каменная мечеть, в округах - 1 каменная и 31 деревянная мечеть

Учитывая активное строительство мечетей в 1870-е гг., можно с уверенностью сказать, что их количество впоследствии лишь увеличивалось. Российское государство финансировало строительство мечетей для знатных мусульман (православные храмы, кроме военных и общегосударственных не финансировались) и платило жалование служителям культа. Такие меры были вызваны стремлением привлечь их на сторону российского государства.

Столь бурное строительство мечетей и особое внимание к постройке оных со стороны государства легко объясняется следующими фактами.

Ещё при Александре I был издан указ, по которому гражданским губернаторам вменялось в обязанность сооружение магометанских мечетей, а буквально следующим же указом был закреплён порядок избрания мулл и других духовных чинов к магометанским приходам.

XX век - век сложный и противоречивый, это век многочисленных реформ, войн, революций, народных потрясений. В России в это время происходили перемены, затронувшие все социальные институты государства, в том числе и религию. Ислам в этом списке не стал исключением.

Сложность в рассмотрении данного периода заключается в том, что источников по истории ислама в Сибири практически нет. Единственными источниками, способными пролить свет на историю ислама в Сибири в первой трети XX в., являются архивные документы. Тем не менее, даже обращение к ним не дает полного представления об истории ислама в Сибири в означенный период времени. Поэтому оказывается возможной лишь частичная реконструкция истории ислама, а именно периода, связанного с приходом к власти большевиков (1920-30-е гг.).

С большим трудом, но можно восстановить события того времени: судьбы представителей мусульманской религии, судьбы культовых зданий. Но, чем дальше мы углубляемся, чем ближе мы подходим к современности, тем больше погружаемся в неизвестность. Семьдесят лет строжайшего атеизма сделали своё чёрное дело.

Вопрос взаимоотношений государства и мусульман в 1920-30-е гг. сложен и противоречив. В обращении Совнаркома РСФСР и Народного комиссариата по делам национальностей от 20 ноября 1917 г. «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» говорилось, что отныне верования и обычаи мусульман объявляются свободными и неприкосновенными. В то же время государство начало активную антирелигиозную пропаганду среди населения. Период 1920-30-х гг. можно разделить на 2 этапа, для каждого из которых характерны свои методы антирелигиозной работы. Первый - 1920-е гг. - в это время на первый план выдвигались культурно - просветительные методы; второй - 1930-е гг., когда стали преобладать методы административные. Первое десятилетие наиболее полно представлено в документах омских архивов.

В циркулярах и информационных письмах, рассылаемых на места, давались рекомендации по ведению антирелигиозной работы. Кроме того, в них давалась общая характеристика ислама, как религии, его особенностей и отличий от других религий, отмечалась, что ислам по ряду причин проник в сознание людей гораздо глубже, чем иная религия. Признавалось, что ранее антирелигиозная пропаганда против ислама велась слабо и бессистемно, рекомендовалось усилить работу в данном направлении:

По ведению антирелигиозной пропаганды давались следующие рекомендации:

- 1) массовая работа должна вестись постепенно, к ней нужно привлекать людей, знающих арабский язык, умеющих читать и объяснять Коран;
- 2) основная работа должна вестись в городе среди рабочих, исповедующих ислам, влияние религии на которых слабее, чем в сельской местности;
- 3) вести активную работу нужно среди детей и молодежи, которые более восприимчивы к новым идеям;
- 4) организовать антирелигиозные кружки, читать лекции и доклады о сущности религии, о происхождении жизни на земле и т.д., проводить диспуты, а также массовые мероприятия в период наиболее значительных праздников;
- 5) предлагался такой метод работы, как разоблачение духовенства, как представителей враждебного класса;
- 6) предполагалось подорвать влияние мусульманского духовенства на верующих, не применяя репрессивных мер (привлечение духовенства к докладам, беседам с последующей дискредитацией их несознательных поступков).

За выполнение антирелигиозной работы на местах отвечали различные национальные бюро, такие, например, как татарско-киргизское. Из отчетов и докладов подобных пропагандистских органов, можно встретить информацию о проведении кампаний в дни мусульманских праздников, во время которых на лекциях разъяснялась сущность религии, предпринимались попытки проведения бесед с мусульманским

духовенством, устраивались спектакли на атеистические темы. Более того, в апреле 1923 года среди татаро-башкирской молодежи во всероссийском масштабе был проведен месячник антирелигиозной пропаганды – «комсомольский Байрам», приуроченный к мусульманскому Байраму. Проведение комсомольского месячника и Курбан-Байрам (у мусульман – праздник жертвоприношения – Авторы.) полностью регламентировалось центральными органами, что позволяло контролировать и корректировать антирелигиозную работу и возможные ошибки. В ходе этой кампании распространялись элементарные знания о происхождении Земли и человека, религии и Бога, их роли в обществе. Проведение этого мероприятия было возложено на уездные бюро РКП (б) и РКСМ.

Подобная антирелигиозная политика, однако, не принесла всех ожидаемых результатов - в сельской местности сохранялось проведение религиозных обрядов, продолжали существовать различные религиозные общества. В связи с этим была изменена тактика антирелигиозной работы, которая была общей и для православия и для ислама. Прежде всего, был налажен учет верующих и религиозных обществ путем юридического оформления с обязательным представлением ежегодных списков членов, уставов обществ и списков священнослужителей. Такой порядок контроля (прежде всего, со стороны ГПУ) стал возможным благодаря введению типовых договоров, которые заключались с зарегистрированной общиной верующих, которая, согласно этому договору, получала в бесплатное пользование молитвенное здание вместе с находящемся в нем культовым имуществом, за которое несла полную ответственность в соответствии с договором. К тому же община верующих, согласно договору, была обязана производить текущий ремонт здания за свой счет, а также выплачивать налог за землю, на котором находилось молитвенное здание.

Специальные отчёты и доклады, посвящённые антирелигиозной работе редки, чаще встречается информация о проведении кампаний в дни мусульманских праздников, во время которых на лекциях, разъяснялась сущность религии, предпринимались попытки проведения бесед с духовенством, устраивались спектакли на атеистические темы.

В отчётах первой половины 1920-х годов говорится о том, что население мало интересуется религией, вопросов на эту тему не задаёт. Практически не упоминается о конфликтах на религиозной почве.

В целом, делая краткий вывод по 1920-м годам, можно сказать, что государство не имело больших успехов в области антирелигиозной пропаганды. Для достижения ощутимых результатов в этой области нужны были большие средства, большая организационная работа, специальная научная и популярная литература, квалифицированные кадры, длительный период времени, о чем свидетельствует содержимое отчетов отделов по антирелигиозной пропаганде.

Несмотря проводимую среди верующих антирелигиозную работу, мусульмане Прииртышья имели возможность выписывать и читать журналы на турецком и арабском языках; отмечалось, что количество мечетей и молитвенных домов в данный момент больше, чем оно было до революции, при этом увеличение падало на последние годы (конец 1920-х гг. - прим. автора); по-прежнему сильное распространение имели религиозные школы, работали они нелегально, но, несмотря на то, что официально деятельность религиозных школ была запрещена, местные власти не предпринимали каких-либо мер по закрытию этих школ.

Начиная со второй половины 1920-х г. г. бестактная и прямолинейная критика религии сменяется признанием верующих врагами народа, формулируется лозунг: «Борьба с религией - борьба за социализм». Создание образа врага вскоре приводит к развёртыванию репрессий над духовенством страны, верующими, будь то христианин или мусульманин.

Наиболее жестокий удар по исламу был нанесён во время коллективизации сельского хозяйства. В начале 1930-х гг. в Омске, Томске, Таре и других городах

Западной Сибири были разрушены каменные мечети, представлявшие собой памятники архитектуры, снесены с лица земли сотни деревянных мечетей, расположенных в татарских аулах; были уничтожены, хранившиеся в мечетях, религиозные и светские книги, напечатанные на арабской графике, имевшие историческое значение рукописи, метрические записи, которые велись имамами в течение многих лет. Порой малограмотные городские и деревенские активисты, выполняя указания вышестоящих органов, ходили по домам верующих, отбирали у них Кораны и другие религиозные книги, а заодно - всё, что было написано на арабской графике, включая художественную литературу, даже родословные отдельных родов татар, хранившиеся у них десятки и сотни лет. Всё отобранное уничтожалось. Много книг духовного и светского содержания было уничтожено в 1937-1938 гг. самими их владельцами из-за боязни быть обвинёнными в «контрреволюционной» деятельности. В эти годы были репрессированы сотни рядовых колхозников, рабочих, представителей татарской интеллигенции лишь за то, что они ещё до революции обучались в мусульманских средних школах.

Естественно, что, борясь с религией, как «опиумом для народа», наше государство также не обошло стороной и культовые здания мусульман.

Ликвидация молитвенных зданий мусульман в Омске и Омской области проходила в русле политики Советского государства в борьбе с религией.

Первую попытку лишить верующих мусульман культовых зданий государство в лице местных органов, предприняло в начале 1930-х гг. Так, например, в связи с ликвидацией земельных обществ в 1930 г. Тарский и Большереченский окружные исполнительные комитеты решили выставить на продажу оставшиеся бесхозными мечети в ряде населенных пунктов, входивших в вышеуказанные округа. Одновременно на эти мечети заявили свои права и местные религиозные общины. Однако, несмотря на просьбы передать молитвенные здания в собственность общин, мечети были проданы близлежащим колхозам. Вернее, были проданы земли, на которых располагались здания. Сами же здания подлежали сносу. Это не могло не вызвать возмущения верующих мусульман. Ведь согласно закону «О религиозных объединениях» 1929 г. здания передавались общинам верующих по первому требованию с оформлением соответствующего договора. В итоге в Западно-Сибирский краевой исполнительный комитет, который находился в Новосибирске, была отправлена срочная телеграмма с просьбой разобраться с этим делом. Ответ в Омский областной исполнительный комитет пришел очень быстро. Краевой исполнительный комитет на правах вышестоящего органа интересовался: имеет ли под собой реальную почву заявление верующих; если да, то кто разрешил продажу мечети и на каком основании (в этом случае основание должно было быть лишь одно - официальное закрытие мечети, на что нужно было официальное решение о закрытии с обоснованием такого решения - прим. автора). До окончательного решения этого вопроса было запрещено передавать здания всех проданных мечетей в собственность колхозов, равно как и переоборудовать их или сносить. Облисполкому же было указано на недопустимость впредь нарушать закон «О религиозных объединениях» (касательно безосновательного, самовольного закрытия молитвенных зданий) и не заниматься самоуправством, а действовать строго в рамках действующего законодательства.

Начиная с середины 30-х г.г. процесс закрытия молитвенных домов мусульман стал необратим. Этому предшествовала колоссальная массово-разъяснительная работа среди населения, исповедовавшего ислам.

При закрытии мечетей соблюдался определенный порядок: решение о закрытии того или иного молитвенного здания мусульман принималось Президиумом областного исполнительного комитета на основании следующих документов: решения общего собрания жителей того района (села, деревни, аула), в котором находилась мечеть; справки сельсовета или райсовета о количестве взрослого населения данного района; подписи всех жителей района, которыми они удостоверяют, что не возражают против

закрытия мечети; ходатайство окружного или районного райисполкома о закрытии мечети; при необходимости к этим документам нужно было приложить акт технического состояния, который обычно фиксировал ветхость и дряхлость здания, угрожающего обвалом, а посему лишь подтверждал нужность его закрытия.

Только после соблюдения всех формальностей, связанных с закрытием здания, принималось решение о его закрытии. А затем специальная комиссия по вопросам культов при Облисполкоме доводила до сведения верующих о принятом решении.

Как правило, основные мотивы закрытия мечети были следующие:

- молитвенное здание пришло в ветхость, требует ремонта или вообще долго время находится «беспризорной» и по прямому назначению не используется;
- официально зарегистрированной общины верующих при мечети не существует, либо она действует нелегально, что было запрещено законом о религиозных объединениях;
- добровольный отказ верующих от содержания молитвенного здания и совершения в помещении здания религиозных обрядов

Согласно новому закону о религиозных объединениях от 1929 г. верующие могли в течении 15-ти дней опротестовать решение Облисполкома во ВЦИК. Для этого общине, опротестовавшей решение Облисполкома о закрытии мечети, нужно было иметь статус официально зарегистрированной общины, заключив договор с местными властями об аренде молитвенного здания. В этом случае решение о закрытии подлежало отмене, и здание возвращалось общине на основании заключенного договора об аренде здания. Но и в решении этого вопроса обнаруживается самоуправство местных властей, выразившееся в нарушении вышеупомянутого закона. Во-первых, Облисполкомом отводилось всего 10 дней для того, чтобы верующих могли опротестовать решение о закрытии молитвенного здания; во-вторых, в нарушении закона Облисполком самолично принимал окончательное решение о закрытии того или иного культового здания (а не ВЦИК). Вероятно, могли существовать какие-то инструкции ВЦИКа по этому поводу, которые рассылались на места, но из-за отсутствия подобных документов в недрах архива, авторы склонны считать, что имели место именно злоупотребления местных властей в вопросе закрытия молитвенных зданий мусульман.

Но, как правило, именно мусульманское население первым выступало с ходатайством о закрытии мечети на культурные нужды, а, следовательно, решения о закрытии никто не опротестовывал. О причинах подобных выступлений можно сказать кратко: в это время велась очень мощная массово - разъяснительная работа, которая заключалась не просто в разъяснении существующих порядков, но и в применении силового воздействия, направленного против тех, кто вступал в противоречия с господствующим режимом.

Но случались и случаи, когда мечети закрывали вследствие обнаружения нарушений закона о религиозных объединениях, так сказать, волевым решением. Так, например, в селе Черталы Муромцевского района мечеть была закрыта (согласно официальным документам) из-за нелегальной деятельности общины верующих, которая, несмотря на предложение местных властей зарегистрироваться, не сделала этого и продолжала действовать подпольно. А в мечети села Бостандык Москаленского района, согласно официальным документам, действовала банда троцкистов во главе с муллою, которая под видом богослужений вела контрреволюционную деятельность.

По инструкции культовые здания мусульман должны были передаваться на культурные нужды жителей того района, где они находились. Но в подавляющем большинстве случаев, закрытые молитвенные здания мусульман либо разбирались по частям на хозяйственные нужды (как это произошло с мечетью в Таре), либо просто пустовали (как это произошло с большинством мечетей). Часть мечетей использовались на хозяйственные (под картофелехранилище, зернохранилище, например), что послужило

причиной долгих разбирательств областной прокуратуры с местными властями о недопустимости использования молитвенных зданий не по назначению.

Репрессии над духовенством и верующими в конце 1930-х гг., массовое закрытие мечетей привело к тому, что к началу 1941 года в Прииртышье не осталось ни одной действующей мечети, а в отчетах того времени все чаще можно встретить информацию о том, что с религией покончено раз и навсегда.

Политика государства по отношению к исламу в годы Великой Отечественной войны, равно как и к другим религиям, претерпела определенные изменения. Это было связано, прежде всего, с необходимостью сплочения нации перед лицом смертельной опасности. Государство ослабило контроль над религией, предоставив всем конфессиям определенную свободу вероисповедания, исполнения религиозного культа, а также позволило открыть и восстановить молитвенные здания, открыть религиозные школы, духовные семинарии и академии. Однако подавляющее большинство исследователей единодушны во мнении, что подобная политика была лишь временной. Сразу же после окончания Второй мировой войны все вернулось на круги своя. Вновь начались преследования верующих, вновь закрывались здания религиозного культа, однако борьба против религии велась в основном методами антирелигиозной пропаганды, а не административными.

Реформы первого послесталинского десятилетия не распространились на область взаимоотношений государства и представителями религиозных конфессий. В значительной степени и в конце 1950-х - начале 60-х гг. проводится политика стеснения свободы совести, хотя открытых репрессий не было. Всем памяты хрущёвские постановления «О крупных недостатках в научно - атеистической пропаганде и мерах её улучшения» (7 июля 1954 г.) и «Об ошибках в проведении научно атеистической пропаганды среди населения» (10 ноября 1954 г.), сыгравшие свою всеокрушающую роль в усугублении взаимоотношений между государством и исламом в частности. Развёрнутая антирелигиозная пропаганда привела к новой волне притеснений, закрытию храмов, мечетей, обязательному насаждению атеизма как единственно обоснованной и научно неоспоримой доктрины.

В 1960-е гг. в облизполкомах вводится должность уполномоченных по религиозным делам, в круг обязанностей которых входил сбор информации о священнослужителях, заводились досье, подбирались осведомители.

Неприемлемость мусульманской веры и морали в нашем обществе побудило представителей духовенства к отказу от ортодоксального толкования некоторых нравственных предписаний ислама. Духовенству становится очевидным, что слепая защита в XX в. норм поведения, навязанных людям ещё в средние века, не может способствовать упрочению ислама. Сплошь и рядом муллы в своих публичных проповедях говорят о праве человека на счастье не только на небе.

Прославление страданий, культ аскетизма в советском обществе, конечно, не мог пользоваться популярностью. В сознание верующих людей проникали нравственные принципы социалистического общества.

Мусульманские священнослужители нередко заявляли, будто требования мусульманской морали не противоречат моральному кодексу строителей коммунизма, мол, мы, руководители мусульман, зовём людей к добру, и коммунисты зовут людей к добру. Мораль одна. Разница лишь в том: мы - люди верующие, а коммунисты - атеисты, т.е. отдавая должное коммунистическому учению, мусульманские духовные лидеры допускали, что коммунизм принесёт человечеству изобилие, но отрицали, что он способствовал нравственному прогрессу общества. Делалось это для того, чтобы сохранить за исламом сферу нравственности.

Конечно, здесь можно усмотреть и другой смысл подобных заявлений со стороны мусульманского духовенства. В это время угодить власти, восхвалять её, преклоняться перед ней - значит, более - менее спокойно существовать. Другая возможная

причина таких заявлений - это попытка остановить продолжающийся отток верующих. Поэтому мусульманские лидеры в какой-то степени пытались хоть как-то соединить свою идеологию с идеологией коммунизма, с нормами и потребностями социалистического общества, показывая, что ислам целиком и полностью не противоречит коммунистической доктрине и отвечает всем требованиям современного социалистического общества. Это также проявлялось и в том, что в рассматриваемый период мусульманское духовенство не настаивает на чётком соблюдении мусульманских предписаний, как это должно было бы быть в идеале. Так, пост должны соблюдать все мусульмане, вне зависимости от возраста, состояния здоровья. Духовенство СССР, побуждаемое стремлением сохранить привлекательность ислама за счёт его «гуманности», в 1960-е гг. не настаивало на обязательном соблюдении поста всеми верующими. Более того, в предписании духовного управления мусульман европейской части СССР и Сибири, изданном в 1961 г., написано, что соблюдение поста не обязательно для несовершеннолетних лиц, рабочих и работниц, занятых на фабриках, заводах, транспорте, на сельскохозяйственном производстве, и, наконец, больных.

В доперестроечную эпоху преобладающей темой в исследованиях зарубежных специалистов по «советскому исламу» была концепция «государственного атеизма». Тактика КПСС и Советского государства по отношению к религии и церкви в целом, и к исламу в особенности, обвинялась в применении насильственных методов, непоследовательности, конъюнктурности, несовместимых с провозглашённым Конституцией принципом свободы совести.

Сейчас открыто признается, что такие отношения, к сожалению, имели место в нашей истории. Западные религиоведы дают им свою интерпретацию, согласно которой подобные отклонения и перегибы являются не случайностью и волюнтаризмом, а естественным следствием принципиального отношения Советского государства и КПСС к религии и церкви. Один из самых известных специалистов по советскому исламу на Западе, главный редактор журнала «Asian Affairs» Дж. Уилер полагает, что политика по отношению к исламу в СССР прошла три основных этапа: до 1945 г. - фронтальная атака на ислам, с 1945 г. до середины 1980-х гг. - замаскированное подавление мусульманской религии под видом атеистической пропаганды, а с середины 1980-х гг. - этап поддержки, использования ислама, мусульманских деятелей и религиозных объединений в качестве проводников внешней политики нашего государства на международной арене в целях укрепления его авторитета как наиболее гуманного общественного строя. Если раньше атака на ислам в нашей стране была открытой, лобовой, что выражалось в закрытии мечетей, святых мест, гонениях на неугодных служителей культа и верующих, то теперь политика в отношении мусульман становится более гибкой, замаскированной, из области административных репрессий переходит в сферу духовного и идеологического давления.

Таким образом, можно сказать, что с конца 1960-х и до конца 1970-х гг. наблюдалось некоторое затишье религиозной жизни в мусульманских общинах, переход ислама на официальные, лояльные по отношению к государству позиции. Это в свою очередь вызвало ослабление антирелигиозной кампании, открытие ранее закрытых мечетей и медресе для обучения мусульманских священнослужителей, а также использование ислама в качестве инструмента Советской внешней политики на Ближнем Востоке.

Затишье религиозной жизни можно объяснить следующим образом. Работа различных школ, библиотек, клубов привели к массовому отходу населения от религии и распространению атеистического мировоззрения. Так, по результатам опроса, проведённого Омским опросным пунктом Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС в середине 1970-х гг. оказалось, что из 5 тысяч жителей Омской области, исповедующих ислам, лишь 15 % посещают молитвенные собрания и 20% участвуют в религиозных праздниках и обрядах по причине искренней веры. Было также отмечено, что степень религиозности татар прямо связана с уровнем

образования - в Омской области более 40 % мусульман не имеют даже начального образования.

Перемены, провозглашённые в 1985 г., создали новые условия для развития религиозных организаций. Религиозная жизнь активизировалась: открываются новые православные храмы, мечети, молитвенные дома.

Смена политического строя, произошедшая в СССР в начале 1990-х гг. повлекла за собой и изменения в религиозной жизни страны. В условиях существования нового общества религиозным организациям, верующим были предоставлены большие свободы.

В настоящее время в Сибири проживает более 800 тысяч представителей тюркских народов, чья официальная религия - ислам. Недооценка национальных моментов в области просвещения и культуры привела к духовному обнищанию людей, к исчезновению из жизни народа его национальных традиций, обрядов.

В итоге мусульманская культура оказалась отрезанной от древней, средневековой и дореволюционной исторической и художественной литературы. Выросли и сформировались уже два поколения родителей, лишённых родного языка и национальных традиций воспитания.

Но, несмотря ни на что, мусульмане сегодня пытаются возродить то, что забыли и потеряли. Многие верующие сегодня отмечают большую часть мусульманских праздников. Наиболее широкое распространение имеют ураза-байрам и курбан-байрам. Из народных праздников нерелигиозного характера мусульмане Западной Сибири ежегодно отмечают сабантуй - праздник плуга.

Можно с определённой уверенностью сказать, что ислам на земле сибирской не только не исчез, но и продолжает возрождать и укреплять свои духовные и культурные ценности.

Вопросы:

1. Назовите точки зрения по вопросу о времени распространения Ислама в Западной Сибирь?
2. Какие этапы в распространение Ислама выделяются? Какими путями Ислам приходит в Западную Сибирь?
3. Какой была политика российского государство по отношению к мусульманам, когда она меняется?
4. Что было сделано для мусульман во II половине 18 в.
5. Когда и почему строится первая каменная мечеть в Омске?
6. Охарактеризуйте политику советской власти к мусульманам?
7. Какие способы давления на верующих использовались властью, как организовывали закрытие мечетей?
8. Как вы думаете почему и как во время великой отечественной войны меняется политика государства?

Рекомендуемая литература.

ПРАВОСЛАВИЕ

1. Голошубин Иоанн, свящ. Справочная книга Омской епархии. – Омск, 1914
2. Дмитрук А. Патерик Сибирских святых и подвижников благочестия. Единец, 2006.
3. Жития Сибирских святых. Новосибирск, 1999.
4. Жук А.В. Обдорский центр “изучения религиозной жизни язычников”. //Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. т.2. Новосибирск, 1997.
5. Жук А.В. Архимандрит Иринарх (Шемановский) в истории Русской Православной Миссии. //Макарьевские чтения. Горно-Алтайск, 2005.
6. Жук А.В. Иерархи Омской Церкви. Предстоятели Омской епархии русской Православной Церкви. Биографический справочник. Омск, б/д.
7. Заварихин С.П. Ворота в Сибирь. М., 1981.
8. Заварихин С.П. В древнем центре Сибири. М., 1987.
9. Копылова С.В. Каменное строительство в Сибири. Конец XVII – XVIII вв. Новосибирск, 1979.
10. Лебедева Н.И. Храмы и молитвенные дома Омского Прииртышья. – Омск, 2003
11. Майничева А.Ю. Деревянные церкви Сибири XVII века: формы, символы, образы. Новосибирск, 2000.
12. Мельников Б.В. О миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в Западной Сибири (XVIII – XIX вв.). //Культурное наследие Азиатской России. Тобольск, 1997.
13. Миллер Г.Ф. История Сибири. т. I-III. М., 2005.
14. Могильников В.А. Контакты населения лесной полосы Приуралья и Западной Сибири в конце I – начале II тысячелетия н.э. //Проблемы археологии Евразии. М., 1991.
15. Могильников В.А. К проблематике взаимоотношений Руси и Югры в XI – XV веках. //Русские старожилы. Тобольск-Омск, 2000.
16. Покровский Н.Н. Русская Православная Церковь в освоение Сибири // Сибирская заимка. – 2001 - №6
17. Сафронов В.Ю. Распространение православия в Сибири. XVI-XVII // Сибирская заимка. – 2002 - №1
18. Скальский Климент, свящ. Омская епархия: опыт географического и историко-статистического описания городов, сел, станиц и поселков, входящих в состав Омской епархии. – Омск, 1900
19. Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995.
20. Православная культура Омского Прииртышья. ч. I-II. Омск, 2006.
21. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032-1882 гг. Сургут, 1993.

ИСЛАМ

1. Валеев Ф. Т. Сибирские татары. - Казань, 1992 .
2. Данилов В. Л. Из истории взаимоотношений ислама и православия в XVIII в. (на материалах Западной Сибири) // Материалы Всероссийской научно – практической конференции «Современное общество», посвященной 25-летию ОмГУ. Выпуск 1 (29–30 октября 1999 г., Омск). – Омск: ОмГУ, 1999. – С. 119 – 120.
3. Данилов В. Л. О судьбе культовых мусульманских зданий // Архивный вестник. – 2000. – № 8. – С. 189 – 195.

4. Лебедева Н. И. Закрытие омских мечетей // Ислам, общество и культура: материалы международной научной конференции «Исламская цивилизация в преддверии XXI века» (к 600-летию ислама в Сибири). - Омск, 1994.
5. Малашенко А. В. Мусульманское возрождение в России. - М., 1998.
6. Микульский Д., Ермаков И. Ислам в России и Средней Азии. - М., 1993.
7. Соболев В. И. Распространение ислама в Сибири // Ислам, общество и культура: материалы международной научной конференции «Исламская цивилизация в преддверии XXI века» (к 600-летию ислама в Сибири). - Омск, 1994.
8. Томилов Н. А., Валеев Ф. Т. Ислам в Сибири // Ислам, общество и культура: материалы международной научной конференции «Исламская цивилизация в преддверии XXI века» (к 600-летию ислама в Сибири). - Омск, 1994.
9. Томилов Н. А., Селезнёв А. Г. Некоторые проблемы изучения ислама в Сибири // Ислам, общество и культура: материалы международной научной конференции «Исламская цивилизация в преддверии XXI века» (к 600-летию ислама в Сибири). - Омск, 1994.

Приложение 1.

В заключение мы предлагаем вниманию благочестивого читателя месяцеслов Сибирских святых и подвижников благочестия в том виде, какой он имеет к настоящему времени. Некоторые святые угодники удостоены, как это принято в Православной Церкви, нескольких памятных дней. Даты месяцеслова приведены по литургическому календарю Православной Церкви (так называемому “старому стилю”). Собор Сибирских святых празднуется 10 июня.

Январь

- 4 – святитель **Симеон** (Молчок), митрополит Смоленский
- 14 – святитель **Мелетий** (Якимов), епископ Рязанский
- 15 – святитель **Нектарий** (Теляшин), архиепископ Тобольский
- 20 – преподобный **Герасим** Иркутский; праведный **Феодор** Томский
- 30 – мученик **Стефан**

Февраль

- 9 – святитель **Иннокентий** (Кульчицкий), епископ Иркутский
- 12 – святитель **Мелетий** (Леонтович), архиепископ Харьковский; иеросхимонах **Иоанн**
- 13 – священномученик **Сильвестр** (Ольшевский), архиепископ Омский
- 15 – священномученик **Иоанн** (Куминов); священномученик **Михаил** (Пятаев)
- 16 – святитель **Макарий** (Парвицкий-Невский), митрополит Алтайский
- 28 – святитель **Арсений** (Мацевич), митрополит Тобольский

Март

- 14 – преподобный **Андрей** Рафаиловский
- 23 – мученик **Василий** Мангазейский; мученик-воин **Фома**
- 27 – святитель **Антоний** (Стаховский), митрополит Тобольский
- 30 – святитель **Софроний** (Федоров), епископ Иркутский
- 31 – святитель **Иннокентий** (Попов-Вениаминов), митрополит Московский

Апрель

- 4 – святитель **Никифор** (Асташевский), митрополит Новосибирский
- 6 – преподобный **Севастиан** Карагандинский
- 15 – праведный **Даниил** Ачинский
- 16 – блаженный **Иоанн** Верхотурский

Май

- 10 – мученик **Василий** Мангазейский; преподобный **Синесий**
- 15 – преподобный **Арефа** Верхотурский
- 18 – преподобный **Макарий**, миссионер Алтайский
- 19 – святитель **Варфоломей** (Городцев), митрополит Новосибирский; священномученик **Онуфрий** (Гагалюк), архиепископ Курский
- 23 – святитель **Димитрий**, митрополит Ростовский; мученик **Василий** Мангазейский
- 28 – святитель **Нектарий** (Теляшин), архиепископ Тобольский
- 29 – святитель **Лука** (Войно-Ясенецкий), архиепископ Симферопольский
- 31 – святитель **Филофей**, в схиме **Феодор** (Лещинский), митрополит Тобольский

Июнь

- 2 – священномученик **Ермоген** (Долганов), епископ Тобольский
- 6 – мученик **Василий** Мангазейский

- 7 – священномученик **Андроник** (Никольский), архиепископ Пермский
 10 – святитель **Иоанн** (Максимович), митрополит Тобольский
 30 – праведный **Стефан** Омский; святитель **Софроний** (Федоров), епископ Иркутский

Июль

- 16 – священномученик **Иаков** (Маскаев), архиепископ Барнаульский
 24 – святитель **Герасим** (Добросердов), епископ Астраханский
 27 – преподобный **Герман** Аляскинский
 30 – святитель **Мануил** (Лемешевский), митрополит Куйбышевский

Август

- 22 – священномученик **Алексий** (Орлов), архиепископ Омский
 29 – мученик **Феодор** Тобольский

Сентябрь

- 1 – иеросхимонах **Ермоген** Киренский
 2 – священномученик **Евфимий** (Горячев)
 12 – праведный **Симеон** Верхотурский
 21 – святитель **Димитрий** (Туптало), митрополит Ростовский
 23 – святитель **Иннокентий** (Попов-Вениаминов), митрополит Московский

Октябрь

- 4 – праведный **Петр**, отрок Томский; святитель **Нестор** (Анисимов), митрополит Кировоградский
 5 – преподобный **Варлаам** Чикойский
 10 – святитель **Иннокентий** (Кульчицкий), епископ Иркутский; святитель **Иннокентий** (Солотчин), епископ Херсонесский
 11 – священномученик **Иувеналий** (Масловский), архиепископ Рязанский
 16 – блаженная **Домна** Томская
 20 – священномученик **Герман** (Коккель), епископ Благовещенский
 21 – священномученик **Аркадий** (Ершов), епископ Чебоксарский
 24 – пустынный **Зосима**
 28 – святитель **Димитрий** (Туптало), митрополит Ростовский
 30 – священномученик **Евгений** (Зернов), митрополит Нижегородский

Ноябрь

- 1 – блаженный **Косьма** Верхотурский
 4 – святитель **Павел** (Конюсевич), митрополит Тобольский
 10 – священномученик **Проконий** (Титов), архиепископ Одесский
 26 – святитель **Иннокентий** (Кульчицкий), епископ Иркутский

Декабрь

- 13 – преподобный **Герман** Аляскинский
 16 – преподобный **Даниил** Ачинский
 17 – преподобный **Мисаил** Абалакский
 18 – праведный **Симеон** Верхотурский
 20 – святитель **Филарет**, в схиме **Феодосий** (Амфитеатров), митрополит Киевский
 27 – святитель **Варлаам** (Петров), архиепископ Тобольский
 29 – пустынный **Василиск** Туринский

Приложение 2

Предлагаем вашему вниманию список архиереев, занимавших омскую кафедру начиная с ее образования до нынешнего времени.

Омские архипастыри:

епископ **Григорий** (Полетаев) 1895-1900 гг.
еп. **Сергей** (Петров) 1901 – 1903 гг.
еп. **Михаил** (Ермаков) 1903-1905 гг.
еп. **Гавриил** (Голосов) 1905-1911 гг.
еп. **Владимир** (Путята) 1911-1913 гг.
еп. **Андроник** (Никольский) 1913-1914 гг.
еп. **Арсений** (Тимофеев) 1914-1915 гг.
архиепископ **Сильвестр** (Ольшевский) 1915-1920 гг.
еп. **Мефодий** (Красноперов) 1920-1921 гг.
еп. **Киприан** 1921 г.
еп. **Димитрий** (Беликов) 1922 г.
еп. **Виссарион** (Зорин) 1924 г.
ае. **Анатолий** (Каменский) 1924 г.
еп. **Алексей** (Буй) 1924 г.
еп. **Иоанникий** (Соколовский) 1924 г.
ае. **Виктор** (Богоявлений) 1925-1928 гг.
еп. **Аркадий** (Ершов) 1929-1930 гг.
еп. **Герман** (Коккель) 1930-1931 гг.
ае. **Алексей** (Орлов) 1931-1935 гг.
ае. **Антоний** (Миловидов) 1935-1936 гг.
ае. **Филипп** (Ставицкий) 1937 г.
еп. **Фотий** (Пурлевский) 1937 г.
ае. **Варфоломей** (Городцев) 1943-1946 гг.
ае. **Алексий** (Пантелеев) 1946-1948 гг.
ае. **Палладий** (Шерстяников) 1948-1949 гг.
ае. **Ювеналий** (Килин) 1949-1952 гг.
еп. **Никандр** (Вольяников) 1952-1955 гг.
еп. **Венедикт** (Пляскин) 1955-1956 гг., 1958 г., 1961-1962 гг.
еп. **Вениамин** (Новицкий) 1956-1958 гг.
еп. **Мстислав** (Волонсевич) 1959 г.
еп. **Сергий** (Ларин) 1959-1961 гг.
ае. **Гермоген** (Голубев) 1961-1963 гг.
ае. **Илларион** (Прохоров) 1963 г.
еп. **Николай** (Кутепов) 1964-1969 гг.
ае. **Арсений** (Сухенко) 1969-1972 гг.
еп. **Мефодий** (Мензак) 1972-1974 гг.
еп. **Гедион** (Докукин) 1974 г.
ае. **Максим** (Кроха) 1974-1986 гг.
митрополит. **Феодосий** (Процюк) 1986 – до нынешнего времени